

Н. В. ГАТИНСКАЯ

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛОВ *ОЧИВЪСТЬ*, *ОЧЕВИДНО*

1.0. Объектом настоящей статьи являются две лексические единицы — *очивѣсть* и *очевидно* — в их семантико-синтаксическом функционировании в текстах разных эпох, разных книжных традиций и разных жанров. Интерес к этим словам объясняется, во-первых, их семантико-синтаксическими особенностями и, во-вторых, недостаточной представленностью в современных научных словарях. Так, в словаре дискурсивных слов в ряду единиц, мотивированных корнем с визуально-перцептивной семантикой (*видимо, по-видимому, видно*) [ДС 2003], мы не находим *очевидно*. В современных же толковых словарях *очевидно* представлено как словоформа прилагательного *очевидный*, что не отражает текстовой сущности этого слова. Обращение к словам *очивѣсть*, *очевидно* обусловлено также общим интересом к фигуре наблюдателя (см. [Апресян 1995: 639—642; Падучева 2004: 533]) и выходом слова *очевидно* из сферы перцептивного модуса.

Примеры со словами *очивѣсть* интерпретируются в данной работе не в связи с категорией эвиденциальности¹ (засвидетельствованности), а как принадлежащие понятийной категории достоверности², понимаемой толь-

---

¹ Засвидетельствованность может получить свое грамматическое выражение, что принято называть категорией *эвиденциальности* [Якобсон 1972; Ильина 2002], *засвидетельствованности* [Козинцева 2000]. В русском языке такой морфологической категории нет, однако есть разные средства выражения способа и источника получения информации [Там же]. Под термином *засвидетельствованность* понимается комплекс значений, которые фиксируют разные способы получения информации. Различаются прямая (зрительная) засвидетельствованность и значения косвенной засвидетельствованности, включающей в себя данные других органов чувств говорящего — слуха, обоняния, общих ощущений (перцептивность); сообщения другого лица (пересказывательность); логическое заключение говорящего (инференциальность) [Козинцева 2000: 226; Эвиденциальность 2007].

² Под термином *понятийная категория* понимается универсальная семантическая категория, рассматриваемая безотносительно к способу ее выражения в языке [ЛЭС 1990: 385; Мещанинов 1975б: 9; 1975а: 236, 238]. Понятийной категории достоверности в ее отношении к категории засвидетельствованности (эвиденциальности) посвящена статья [Гатинская 2004].

ко как соответствие действительности с точки зрения говорящего, как фактуальность.

В Словаре В. И. Даля читаем: «*очивѣсто, очивѣсть* нар. стар. очевидно, явно, вочью» [Даль, 2: 1348]. Из словарной статьи Даля явствует, что уже в 1863 г. *очевидно* рассматривалось как более современный вариант слова *очивѣсть*, которое признается устаревшим. Соответственно, можно выстроить ряд лексических единиц с корнем *ОЧ-*: *очивѣсть, очевидно, воочью*³.

Слово *очевидно* впервые зафиксировано лексикографами в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова 1704 г., поэтому в начале статьи речь пойдет о слове *очивѣсть*, так как лексему⁴ *очевидно* можно рассматривать как семантическую преемницу *очивѣсть*. В соответствии с этим статья состоит из трех частей: 1) история *очивѣсть*; 2) история *очевидно*; 3) семантико-синтаксическая характеристика лексемы *очевидно* в текстах XVIII—XX вв.

Каждая единица будет описываться в связи с ее синтаксическими функциями, поскольку, несмотря на прозрачность внутренней формы, слова *очивѣсть, очевидно* прочитываются по-разному в разных контекстах, т. е. имеют конструктивно-обусловленное значение⁵.

1.1. Триада *очивѣсть, очевидно, въ очию* в разные периоды была представлена двумя единицами: в древнерусском — парой *очивѣсть, въ очию*, в современном русском языке — *очевидно, воочью*. И только в текстах XVII в. употреблялись все три единицы.

Наряду с *очивѣсть* функционировали и другие варианты: *очивисть*⁶, *оковидно* и *очевисто, очивѣсто, очевистно, очивѣстнѣ, очевистѣ*, более редкие варианты *очезрительнѣ* и *очевидимо*⁷ [СлРЯ XI—XVII, 14: 94, 98; СлДРЯ, 6: 325—326]. Большой набор единиц можно объяснить не только звуковой, но и семантической близостью глагола *въдѣти* (*ВЪД-/ВЪСТ-*) и глагола *видѣти* (*ВИД-*). Из всех перечисленных вариантов в памятниках наиболее частотен *очивѣсть*, поэтому для удобства в работе он выбран как «имя» («основной вид», основной вариант) слова. *Очевидно*, образованное по той же модели, что и *очивѣсть*, и синонимичное ему в сходных контекстных условиях, рассматривается нами как отдельная единица, а не как ва-

³ Об истории слова *воочью* см. [Гатинская 2008].

⁴ Термин *лексема* используется в работе в том понимании, которое было предложено В. В. Виноградовым [Виноградов 1975: 37] и развито А. А. Уфимцевой [Уфимцева 2004: 70, 71]: как единица номинативной системы и элемент строя языка. Существует традиция использования этого термина и в исторических исследованиях, см. [Цейтлин 1986].

⁵ Подробнее см. в статье [Виноградов 1977].

⁶ Наречие *очивисть*, данное в СлРЯ XI—XVII вариантом к *очивѣсть*, по-видимому, происходит из старославянского языка. **Очивистѣ**, нареч. (1) ѡфѡлѡфанѡс, видимо, явно, videtelně, zjevně: **ѡкоже очивистѣ всѣмъ показатисѣ кмоу** Супр. 36. 13-14. [СС 1994: 439].

⁷ Об этой вариантности [Чурмаева 1989: 60].

риант *очивѣсть*. Если словари ([СЦРЯ 1847] и современные исторические) квалифицируют *очивѣсть* как наречие, то *очевидно* в современных толковых словарях подается через форму полного прилагательного и, следовательно, является кратким прилагательным⁸.

Контексты, в которых употребляются *очивѣсть* и *очевидно*, свидетельствуют о том, что для двух слов (учитывая их историческую преемственность) в течение всего их существования были возможны четыре синтаксических функции: 1) внутрисинтаксическая — члена предложения; 2) рамочная — предиката пропозициональной установки в составе сложноподчиненного предложения; 3) внешнесинтаксическая⁹ — вводного слова; 4) диалогическая — самостоятельного реактивного (ответного) высказывания в вопросно-ответном единстве, что признается современными словарями основанием для квалификации этого слова как частицы. Для *очевидно* в современном русском языке характерны позиции 2), 3) и 4), а также значение вероятности, характерное для позиций 3) и 4), не вытекающее из внутренней формы слова.

Если первая функция подводит интересующую нас лексическую единицу под термин «наречие», то три остальных указывают на особый статус этого слова в предложении и в тексте. Для анализа рассматриваемых слов недостаточно ни уровня словосочетания, ни уровня предложения — семантическая интерпретация этих слов требует анализа текстового уровня, что и будет предложено в настоящей работе.

1.2. Слово *очивѣсть* и его варианты представляют собой кальки с греческих наречий (*ὀφθαλμοφανῶς* и др.), которые состояли из двух разных основ¹⁰. В цитатах из ранних источников наречию *очивѣсть* и его вариан-

---

⁸ В современных исторических словарях эти слова по традиции отнесены к морфологическому разряду наречий [СлРЯ XI—XVII, 14: 94, 98; СлДРЯ, 6: 325], в словарях современного русского языка *очевидно* определяется двояко: 1) в отдельной словарной статье как наречие и как вводное слово [ССРЛЯ, 8: 1791]; 2) в рамках статьи полного прилагательного *очевидный* как вводное слово или частица [ОШ 1997: 486].

⁹ О различии между внутрисинтаксическим и внешнесинтаксическим словом см. в [Золотова 1973: 151].

¹⁰ Греческим наречиям на русской почве соответствуют кальки: *очивѣсть* и ее варианты, а также *очевидно*, образованные двумя разными основами с близкими значениями *ОК-/ОЧ-* и *ВЪД-/ВИД-*. Способ образования этих слов как будто должен быть отнесен к словосложению, а не к редупликации, для которой характерен повтор одного и того же корня и в то же время имеет место повтор семы. Но этот специальный вопрос в статье не обсуждается. *Очивѣсть* и *очевидно* не следует причислять к таким сложным словам, как *велелепно*, *достодолжно*, для которых характерно сочетание первой основы, имеющей усилительное значение (*веле-*; *досто-*), со второй основой, несущей основной смысл. В СлРЯ XVIII подобные сложные слова имеют разные пометы: по происхождению — *славянское* [СлРЯ XVIII, 3], иногда и по назначению — *риторическое* [СлРЯ XVIII, 6].

там соответствуют 4 разным греческих слова. Этим словам приписываются¹¹ следующие значения:

1) ὀφθαλμοφανῶς — ‘видимо глазами’:

κависа [бес] *ему очивѣсть. и гла юму. югда поеши. како не обрыдаешиса стати предъ бѣмъ, или именовати има его. ПНЧ к. XIV, 172г.*; этот пример иллюстрирует толкование наречия в словарной статье СлДРЯ, определяемое как ‘наяву, в действительности’ [СлДРЯ 6: 325]¹². Слово ὀφθαλμοφανῶς¹³ — самое частотное из греческих лексем-источников для *очивѣсть*. В древнерусском тексте «Жития Андрея Юродивого» [ЖАЮ 2000: 4об; 5б; 62 г; С141] оно соответствует четырем *очивѣсть*;

2) αὐτοπτικῶς¹⁴ буквально означает ‘в видимом образе’:

и посла г(с)ь бѣ архангѣла Михаила. очивѣсть глѣща рабоу бѣсию николь СбТр XIV/XV, 158 об.; этот пример из СлДРЯ иллюстрирует значение слова *очивѣсть*: ‘наяву, в действительности’ [СлДРЯ 6: 325]¹⁵;

3) αὐτοπρῶπως¹⁶ — ‘само+лично’:

это слово приводится в СлРЯ XI—XVII в качестве соответствия к наречиям *очевистоно*, *очевисто*, которые определяются как ‘лично, самолично’: *Очевисто*. (Кирил. Иерус. Огл.) Вост. II, 45. [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]¹⁷; но в другой статье этого Словаря лексема-источник αὐτοπρῶπως приведена уже в качестве соответствия слова *очивѣсть* в значении ‘своими глазами, воочию’ с примером: *Сущу ми в мѣстѣ пустыньнѣ... нападе на ма мѣножьство бѣсѣ, и о землю ма разбиша... и къ тому нѣсмъ видѣль очивѣсть дѣмона* (Пов. о ж. Епиф.). Усп. сб., 290. XII—XIII вв. [Там же: 98]¹⁸;

¹¹ Толкования греческих слов предложены К. А. Максимовичем.

¹² Все примеры из картотеки КДРС, кроме рукописных, сверены по источникам, указанным в справочном выпуске СлРЯ XI—XVII вв.

¹³ Значение слова ὀφθαλμοφανῶς И. Дворецким определено как ‘видимым образом, заметно’ [Дворецкий 1958, II: 1211].

¹⁴ Этого слова нет в словаре И. Дворецкого.

¹⁵ Точнее, в этом примере сказано, что Бог послал архангела Михаила, не просто говорящего рабу Божию Николе, но вещающего зримо для Николы, ибо можно слышать голос, но не видеть того, кто говорит. Толкование ‘наяву, в действительности’ неточно и уводит от смысла самого наречия.

¹⁶ Слово αὐτοπρῶπος в словаре И. Дворецкого имеет дефиниции: 1) ‘с собственным лицом, т. е. без маски’ с примером из Лукиана: αὐτοπρῶπων ὄραν τι — видеть что-то в натуральном виде; 2) ‘от себя лично’: αὐτοπρῶπων καὶ δι’ αὐτοῦ λέγειν (Лукиан) [Дворецкий 1958, I: 268]. В примерах представлена форма предикативного прилагательного на -ov.

¹⁷ В статье *очевистоно*, *очевисто* к значению ‘лично, самолично’ других примеров из ранних переводных памятников нет.

¹⁸ Р. М. Цейглин, анализируя способы перевода греческих сложных слов на древнеболгарский, отмечает, что для адекватной передачи языка оригинала переводчики использовали не только калькирование. Примером удачного перевода

4) αὐτοψεί буквально означает ‘собственным видением, собственными глазами’. Наречие αὐτοψεί составлено на основе словоформы в косвенном падеже существительного ὄψις, связанного с глаголом ὄψομαι ‘увиджу’ [ЭСФ III: 128]. Ср. родственное ὄμμα — более древнее наименование глаза, чем ὀφθαλμός в древнегреческом языке [Там же].

Слово αὐτοψεί находим в тексте «О Христе и антихристе» св. Ипполита, жившего в середине III в.¹⁹ В словаре И. Дворецкого слово ὄψις с примерами из античных авторов имеет такие значения: 1) внешний вид, внешность; 2) зрелище, картина; 3) явление, видение; 4) зрительное восприятие и др. К пятому значению ‘зрение’ дан пример из Фукидида с формой дательного падежа ὄψει: ὄψει τὸ δραστὲν λαβεῖν Thus. *Воочию увидеть содеянное* [Дворецкий 1958, II: 1214]. Кроме того, в этом словаре есть суш. αὐτοψία — ‘непосредственное узрение’ с примером из Лукиана: αὐτοψίῃ μαθεῖν τι ‘увидеть что-либо собственными глазами’ [Дворецкий 1958, I: 270].

Соответствие αὐτοψεί есть только в карточках в цитате с наречием *очивисть*, в самих исторических словарях СлРЯ XI—XVII и СлДРЯ оно не представлено:

...в иорданѣ [Иоанн Предтеча] *очивисть*²⁰. *кажа сѣса їзлѣви и глѣ се агньць бжїи въземлаи грехы мира.* [Слово Иппол. об ант., 66. XII в.]²¹.

При сопоставлении древнерусских переводов и толкований греческих слов-источников можно увидеть, что, несмотря на различия в исходных значениях четырех греческих слов, они переводятся наречием *очивѣсть* и его вариантами со значением ‘своими глазами, наяву’:

греч. сложения αὐτοπρόσωπον может служить словосочетание *самъ. своимъ лицомъ: овѣштавактъ дѣвци самъ. своимъ лицомъ пришьствнк гавити* Супр. 248, 23 [Цейтлин 1986: 212—213].

¹⁹ Две греческие рукописи этого текста отнесены специалистами к XV и XVI вв.; третья пергаменная рукопись датирована X в. [Святой Ипполит 2008: 204—205]. Последняя была неизвестна К. Невоструеву, опубликовавшему славянский перевод этого текста по Чудовскому списку XII в. с греческим текстом и своим переводом на русский [Слово Иппол. об ант.].

²⁰ *Очивисть* в СлРЯ XI—XVII дается как вариант к *очивѣсть* [СлРЯ XI—XVII, 14: 98].

²¹ См. текст Евангелия: На другой день видит Иоанн [Предтеча] идущего к нему Иисуса и говорит: Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грехи мира. Ин.1: 29. (И далее говорится: как и сказал ему пославший его крестить в воде, Иоанн узнал Иисуса по особому знаку, он видел на нем Духа, сходящего с неба, как голубя. И засвидетельствовал, что Сей есть сын Божий. Ин.1: 32—34.)

Св. Ипполит передает событие дистанцированно, в пересказе (Иисус назван будущим Спасителем Израиля), тогда как в Новом Завете рассказ дан приближенно к событиям, как актуальная ситуация. Отмечены одновременность действия (Иисус идет к Иоанну Предтече) и восприятия (Иоанн видит его), затем речь (Иоанн говорит). Глаголы употреблены в настоящем историческом. Прямая речь — пророчество Предтечи — содержит речевой «жест» — частицу *вот*.

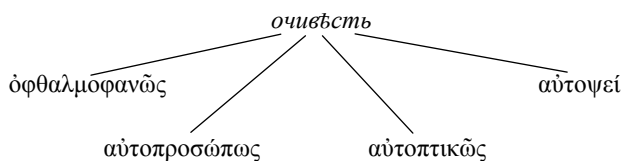

Рис. 1

1.3. Трудность интерпретации рассматриваемых лексических единиц состоит в том, что они имеют субъектную валентность (глаза должны кому-то принадлежать), которая нередко никак не выражена. Остановимся подробнее на последнем примере. Не вполне понятно, к кому относится субъектная валентность слова *очивѣсть*: либо к тому, на кого показал Иоанн, — к Иисусу, либо к тем, кто наблюдал это событие. Второй вариант кажется предпочтительным. В высказывании нет компонента, обозначающего свидетелей события, но употреблена форма глагола *казати*. Показав на Иисуса, Предтеча этим выделил его среди всех, кто там был.

Публикатором «Слова Ипполита об антихристе» К. И. Невоструевым этому примеру дан такой перевод: «...в Иордане он указывает *лично* на *самого* Спасителя и говорит: Се Агнец Божий, вземляй грехи мира» [Слово Иппол. об ант.: 66] (курсив наш. — Н. Г.).

Непонятно употребление слова *лично*. Как уже говорилось, В. И. Даль соединил в одной словарной статье *очивѣсть*, *очевидно*, *вочью* (*въ очию*), тогда как *лично* находится в другой статье²². В Словаре Академии российской (1789—1794) семантика *лично* толкуется как ‘непосредственное участие’: *Лично*. нар. 1) Сам собою. *Предписано явиться к суду лично*. 2) Изу-стно. *Непремину лично вас поблагодарить* [САР-1, 3: 1199]²³.

В первом примере из словарной статьи САР-1 *лично* относится к субъекту (*он должен лично явиться в суд*); во втором примере этим словом задано условие общения (*поблагодарю при личной встрече, а не заочно, письмом*).

Такое употребление *лично* связано с перцепцией. *Явиться лично в суд* — значит ‘показать себя (тебя видят) и видеть самому тех, кто в суде’. Но чаще в высказывании отражены как минимум два участника ситуации. В этом случае *лично* относится к одному из актантов, но сфера действия слова *лично* включает и другого участника (*сообщить, объяснить лично* — ‘сам или самому’; *вручить, доставить, передать лично* — ‘собственно-ручно или в собственные руки’ [ССРЛЯ, 6: 294].

Иное, широко распространенное в современном языке употребление *лично* квалифицируется в другом толковом словаре как частица²⁴ при предметно-личных местоимениях-существительных (*лично я, лично мне,*

²² *Лично нар.* самъ, своим лицомъ, своей особой, непосредственно. *Я лично былъ; лично ему говорили* [Даль 1995, 2: 259].

²³ См. также анализ *очевистѣ* в 2.3.

²⁴ [ОШ 1997: 323].

меня, тебя, его, ей, и др.)²⁵. Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) по слову *лично* позволяют сделать вывод, что подобное употребление характерно для диалога, в котором таким способом подчеркивается (1) мнение говорящего по какому-либо вопросу (*я лично так не думаю, мне лично это не нравится*); (2) мнение, предположение говорящего, касающееся второго участника диалога или третьего лица (*тебе лично увольнение не грозит; положение у всех разное: ему лично надеяться не на что*). Думается, что слово *лично* функционирует в подобных примерах как местоимение *сам*, выступая как усилитель.

В переводе Невоструева: Иоанн указал *лично* на Иисуса, на него *самого* — выделенные курсивом слова создают усиление для «указательного жеста» (*именно* на него указал), но сомнительно, чтобы *очивѣсть* использовалось только для этого. *Очивѣсть* может обозначать, что это событие происходило в присутствии свидетелей (= *прилюдно, на глазах у всех*)²⁶.

Перевод Невоструева можно объяснить влиянием семантики греческого языка²⁷. Можно предположить, что К. И. Невоструев перевел *очивѣсть* как риторическое средство усиления, так как не считал его важным в этом контексте.

По мнению К. А. Максимовича, в славянском тексте, как и в греческом оригинале, наречие указывает на то, что это событие происходило на глазах у всех, кто там был. Следовательно, смысл высказывания таков:

...в Иордане он [*Иоанн Предтеча*] *на глазах у всех* показал на Христа (*Спасителя Израиля*) и сказал: се Агнец Божий, который берет на Себя грехи мира.

---

²⁵ Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, рассматривая согласуемые сочетания типа *я сам, он один, ему самому, тебе одной, всем нам* и т. п., пришли к выводу, что высказываниям с такими сочетаниями соответствуют по смыслу высказывания-перифразы с притяжательными местоимениями-прилагательными (*мой, твой, его, ее* и т. п.): *Что мне учить других воспитывать детей, когда у меня самого сын не ангел* (= *когда мой собственный сын не ангел*) [Булыгина, Шмелев 1997: 357].

²⁶ Есть еще один вариант контекстных условий, в которых толкование 'лично, самолично' дано к наречию *очивѣсть*: *(ин)ого нѣкоего увѣдѣхом(ъ) хѣа оугодьника. в съ(та)зание съ бѣсы очивѣ(ѣ)сть пришъ|дѣшл. и мьногъ нѣкыхъ таинъ въпрашавьшл ихъ* Изб. 1076. 213—213 об. [СлДРЯ, 6: 326]. — Узнал [я] другого некоего Христова угодника, который *лично* (*сам*) состязался с бесами. Этот пример можно трактовать как косвенное свидетельство третьего лица, о котором говорящий сообщает собеседнику. Но в примере из «Слова Ипполита...» такого пересказа нет.

²⁷ «Предикативный признак, определяющий человека, который выражался в греческом языке с помощью обширного набора устойчивых формул, со словоформами от существительных *лицо, очи, уши* и др., при переводе должен быть отнесен к самому человеку, субъекту» [Колесов 1989: 143]. Например, в русском под влиянием греческих образцов — остатки риторических формул со словоформами от сущ. *лицо*: *от лица* своих коллег выражаю благодарность (= от своих коллег); от себя *лично* хочу сказать (= от себя *именно*).

2.1. В древнерусских текстах ситуация зрительного восприятия какого-то объекта или явления часто обозначается во фразе финитной формой самого глагола перцепции *видѣти*, *зърѣти*. При этих глаголах может стоять наречие *очивѣсть*, которое соединяет *очи* и форму глагола *вѣдѣти*. Слово *очивѣсть* нередко встречается в житиях²⁸.

2.2. В древнерусский период активно действующим было слово *очивѣсть*, для которого была характерна внутрисинтаксическая позиция, соединяющая подчинительными связями *очивѣсть*, глагол и субстантивную (местоименную) форму дат. падежа. Собранные примеры показывают, что оно употребляется в высказываниях (1) с глаголами каузации восприятия (*показати*²⁹, *казати*), (2) с глаголами восприятия (*видѣти*, *зърѣти*), (3) с глаголами, в которых соединены значения перемещения и каузации восприятия (*явитьсѧ* / *явлѧтьсѧ*), (4) с глаголами перемещения (*прїиде*, *вниде*), (5) с глаголами активного действия (*нападоша*).

Рассмотрим примеры:

*Царь же <...> шведь в' вертепъ, паде к ногама святыхъ и слезы точя; радоваша бо ся душа его и веселяшася, яко не презрѣ Господь моления его, но **показа** ему **очивѣсть** воскрешение мертвыхъ*³⁰. ВМЧ³¹, Окт. 19—31, 1797. XVI в. [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]*³².

*Дѣмонъ же дивлься дерзновеньному его упованію и бестудию еже къ бѹ. **явися** ему **очивѣсть***. Пролог (Срз.), 186 об. 22 дек. XV в. [КДРС].

*Ему^Ж творѧщъ по три лѣта и пишѧщъ емѧ, **прїиде** к немѧ **очивѣст'ь** Іоан^Н бгѡсловъ, во образѣ сѣдѣ*. Изм., 385. XVI в. ~ XIV в. [КДРС].

Слово *очивѣсть* связано подчинительными отношениями как с глаголом (*показа*, *явися*, *прїиде*), так и с дательным адресата, которым выражается субъект восприятия.

Показати очивѣсть здесь означает 'сделать так, чтобы кто-либо увидел своими глазами'. Наречие *очивѣсть* определяет не только действие субъекта-каузатора, но и восприятие каузируемым субъектом — земной человек увидел воскрешение мертвых.

Примеры зрительных свидетельств из житий или из сборников, содержащих жития (Патериков, Четых Миней, Прологов), позволяют говорить о том, что субъектом активного действия в предложениях с наречием *очивѣсть* являются либо Бог и святые, либо дьявол и бесы.

²⁸ О регистрах в древнерусской письменности, о жанровом своеобразии текстов и отборе языковых средств см. [Живов 1996; 2004; Кагарлицкий 1999].

²⁹ В Словаре это значение глагола *показати* определено как 'дать посмотреть, предоставить возможность увидеть, являть' [СлРЯ XI—XVII, 16: 142].

³⁰ Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — Н. Г.

³¹ В работе используются сокращения названий источников, принятые в карточках и словарях: КДРС, КСДР; СлРЯ XI—XVII и СлДРЯ.

³² Здесь и далее знак * означает, что контекст расширен по источнику.

Бог показывает святым, зримо являет человеку чудо, заставляет его воочию видеть Святой Сион, ставит перед ним святого Николая в ризах. На эту целенаправленность в текстах бывают прямые указания. Дьявол заставляет человека воочию видеть бесов или сам зримо является человеку, чтобы искушать его. Например:

Дяволь... очивѣсть явяется ему и глеть, калдгере³³ изыди от мѣста сего. Ж. Нила Столб., 31. XVII в. ~ 1598 г. [КДРС].

При этом наиболее употребляемым глаголом оказывается *явити-ся/являтися*, представляющий ситуацию как результат целенаправленного действия высшей силы, которая являет человеку святого:

Потом же паки явися емоу очивѣсть в дне во вратехъ дому его старецъ высок возрастом. Ж. Стеф. Мхр., 464. XVII в. ~ XVI в. [КДРС].

В древнерусских текстах глагол *явити-ся/являтися* ‘явить себя кому-либо’³⁴, имея сему перцептивности, образует каузативные высказывания — ‘сделать так, чтобы его видели’. В этих высказываниях есть субъект каузации (*старец; дьявол*), объект каузации (человек), он же — субъект восприятия, выраженный формой дат. п. существительного или местоимения.

Наречие *очивѣсть* в соединении с дат. п. субъекта восприятия сигнализирует о ситуации зрительного свидетельства: в высказывании сообщается не только о самом явлении святого человеку, но и о том, что явленное чудо было воспринято зрительно, а значит, засвидетельствовано.

Если *очивѣсть* употребляется в высказываниях с предикатами перцепции *видѣти, зрѣти*, значение каузации восприятия сохраняется: высшая сила обуславливает видение (святой захотел, чтобы его видели), — но эта тема уходит на второй план, поскольку на первом плане оказывается человек, воспринимающий сверхъестественное событие. Например:

На той же лодѣ с нами пловый сотникъ стрелецкой видитъ очивѣсть преподобного Сергѣя, по морю ходяща и морским волнамъ запрещающе. <...> И видевъ то, сотникъ сказал нам свое видѣние: и оттоле море не волнуемо || и тишина бысть. Ч.Серг.Р.Аз., 74. [КДРС]*³⁵.

В другой группе примеров предикат не выражает перцепции. Он выражен глаголами движения (*прїиде, вниде, изыде*), активного действия (*нападаша на нь множество бѣсовъ*). Поскольку у этих глаголов нет валентности на перцептивное слово, наречие *очивѣсть* отрывается от глагола.

³³ Калугер — почтенный старец, монах [СлРЯ XI—XVII, 7: 38].

³⁴ В современном русском языке глагол *являться/явиться* — с дат. п. субъекта восприятия — описывает то, что человек видел во сне или в грезах: *Она во снах мне является*.

³⁵ В тексте есть разъяснение, почему именно сотнику явился преподобный Сергий Радонежский: в момент бури он молился этому святому, тогда как другие люди, сидевшие в лодке, молились святым Зосиме и Савватию, покровителям моряков.

Можно предположить, что такие высказывания возникли в формулах: [Господь] *показа ему очивѣсть...; явися ему очивѣсть святой*. Вместо предикатов *показа, явися* стали употребляться другие глаголы. Несмотря на замену предиката в высказывании устойчивость формулы сохранялась, это способствовало тому, что при чтении она будет опознана. В вариациях такого высказывания часто используются глаголы движения, обозначающие перемещение из мира Божьего в мир человеческий, например:

прииде к нему [корабленику] очивѣсть святой во едину ноць ВМЧ, Окт. 19—31. 1637. [КДРС]. (Святой хотел, чтобы моряк его увидел.)

В этом примере сфера действия слова *очивѣсть* содержит не только глагол, но и дат. п. адресата, а также им. п. субъекта³⁶. С точки зрения современной лингвистики³⁷ слово *очивѣсть* имеет тройную связь, поэтому в таких примерах это слово не прикреплено к одному компоненту. Отрываясь от собственно присловной позиции, оно определяет предложение в целом. Чтобы показать это, рассмотрим словарный пример в расширенном контексте:

В «Житии Павла Обнорского» агиограф рассказал о том, как Господь захотел прославить своего угодника и преподобный Павел совершил свое первое посмертное чудо: лютой зимой пришел через оконце к умирающему Ивану. Иван много дней лежал безгласный, без движения, как мертвый, но ненадолго очнулся и позвал угодника на помощь. Павел пришел, исцелил его и вышел через окно:

Больныи же схапивса хотѣ| его оудръжати. и вскочивъ со о|дра своего яко николиже болѣвъ | и зршише возлѣ^д его. Онъ же очивѣстнѣ с двора

³⁶ Ср.: *Святой пришел к нему зримый*. Субъектную валентность наречие может наследовать от прилагательного, напомним, что одним из греческих слов-источников *очивѣсть* является наречие *ὀφθαλμοφανῶς*, наречие от прил. *ὀφθαλμοφανής*. Инициальная позиция *очивѣсть* (*Зримый, святой пришел к нему*) в житийных текстах не встречается, следовательно, оно не выступает в позиции детерминанта [Шведова 1964; РГ 1980, 2: 149—150], не имеющего валентностей на компоненты предложения, в которое оно входит.

³⁷ Как пишут авторы «Чешской русской грамматики» [РГ 1979], качественно характеризующее наречие (Adv Qual) (*глупо, хорошо, тихо, героически, порожняком, украдкой* и т. п.) входит в состав сказуемого или примыкает к нему, «но по своим внутренним связям оно может быть соотнесено не только со сказуемым, но также с подлежащим (дополнением)»: *Он был настроен мирно. Дома здесь строят крепко* [РГ 1979, 2: 788]. Кроме того, в современном русском синонимичны конструкции с прилагательными им. и тв. п. и наречием — адвербиализованным сущ. в тв. п.: *Он пришел босой / босым / босиком; возвращался порошний / порошным / порожняком*. В РГ 1980 также отмечено, что у наречия, имеющего словообразовательные связи с прилагательным, могут воспроизводиться связи этого прилагательного (*видно, слышно с дороги, из-за дома*) [РГ 1980, II: 77].

изыде и поѡнаса | на воздѣсъ к мнѣрю и тако | изыде ѿ очію его Ж. Павла Обн., 93. XVII в. ~ XVI в. [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]*.

Наречие *очивѣстнѣ* выражает зрительное восприятие, наблюдение происходящего, семантически согласуясь с формой *ѿ очію*. Тем самым зримо предъявлен путь от постели больного, во двор к монастырю и за пределы зрения больного. Свидетельство о чуде исходит от исцеленного Ивана, смотревшего вослед преподобному Павлу. Хотя контекст показывает, что полет наблюдал один Иван, в высказывании это подано так, что полет мог видеть любой, это отражено и в словарном толковании³⁸.

2.3. В текстах других жанров перцептивность в семантике рассматриваемого наречия уходит на второй план, особенно в контексте ирреальных наклонений глагола:

Во уши [царю] заочне шептали на оных святых <...> митрополитѣ тогда предѣ всѣми рекль: Подобаетъ, рече, приведенным им [Селивестру и Адашеву] быти предѣ насъ, да очевистѣ на них клеветы будутъ, и намъ оубо слышети воистинну достоитъ, что они на то отвѣщаютъ Курб. Ист. 263 [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]*.

Очевистѣ соотносится с наречием *заочне* в предтексте. Слова *заочне / очевистѣ* связаны с субъектными формами, обозначающими лиц, подвергшихся оговору, клевете (*шептали на оных святых / на них клеветы будут*). Наречие *очевистѣ* относится не к тем, кто говорит; имеются в виду «глаза и уши» тех, о ком говорят и кому речь не предназначена: пусть *говорят и смотрят* на тех, на кого клеветают = *при них, им в глаза*.

Рассматриваемый пример отсылает нас к сфере установления истины, судопроизводства, юридического права³⁹. В этой сфере важной является фигура свидетеля, и *очевистѣ* выражает личное присутствие и личное участие кого-либо в чем-либо, как в примере из деловых документов XVII в.:

Пред нами Иваном Маценкомъ наказнымъ <...> а Миском Михѣнкомъ атаманомъ городовымъ Прилуцкимъ и Лескомъ Карпичем. войтом⁴⁰ Прилуцкимъ з бурмистрами стоявшии очевистѣ Артюхъ Олексеенко <...> признал добровольно, же коня своего власного [собственного] <...> продал Калуж. а., № 26, 56. 1679 г. [КДРС].

³⁸ В словаре эта цитата иллюстрирует дефиницию наречия *очивѣстнѣ* ‘на глазах, явно, на виду у всех’ [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]. Ср.: Он же [преподобный Павел], *всем видимый*, со двора вышел и поднялся на воздухе к монастырю.

³⁹ С юридическим термином *очная ставка* можно соотнести сочетание *очевистное глаголаніе* в примере: *Услышавши же сіе [обвинения против них], Селивестръ и Алексій начаша молити [царя], ово епистоляими посылающе, ово чрез митрополита руского, да будетъ очевистное глаголаніе с ними* [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]*.

⁴⁰ *Войтъ* — должностное лицо (староста или судья) в Западной и Южной Руси [СлРЯ XI—XVII, 2: 311].

В этом документе, составленном на Черниговской земле, в г. Прилуках, зафиксировано то, что состоялся акт продажи коня казаком Олексеенко купеческому человеку Курчанину, москалю. Публикатор этого текста указывает, что это купчая, а перечисленные лица были свидетелями продажи. Слово *очевистъ* относится не только к свидетелям продажи, но и к тому, кто продал: перед нами (*свидетелями*) он стоял сам лично и сказал добровольно, что коня продал.

2.4. Если в житийных текстах *очивѣсть* обнаруживает перцептивную семантику и, соответственно, семантически согласуется либо с глаголами перцептивными, либо с глаголами акциональными, то в летописных текстах перцептивность соединяется с выводным знанием. В Словаре русского языка XI—XVII вв. подобные употребления подпадают под толкование ‘явно, очевидно’ [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]. Это значение иллюстрируется следующим примером из Лаврентьевской летописи: *Яко ж(е) и быс(ть), очивѣсто бо бѣ и мѣи бѣя избави я мѣстью своею, зане хрѣсьяне суть* [Там же, 98].

Чтобы понять семантику слова *очивѣсто*, рассмотрим весь отрывок о чудесном спасении Новгорода. В предтексте его рассказано о набеге русских князей на новгородские земли: они пожгли и разорили села вокруг Новгорода, убили много людей, но не вошли в город. Летописец так объясняет происшедшее:

(1169): (1) *се же бы^с за наши грѣхы.* (2) *слы||шахо^м бо пре^ж трии лѣ^т бывшеж знаменья Новѣгородѣ всѣ^м людемъ видѣшимъ. в тре^х бо црквахъ Новгородьскыхъ плакала на тре^х иконахъ стѣна Бѣа. провидѣвши бо мѣи Бжїа пагубу хотѣщую быти надѣ Новымъгородо^м и надѣ юго волостью. молашеть сѣна своего со слезамі. дабы ихъ отинудѣ не искоренилъ, яко^ж преже Содома и Гомора, но яко Ниневгитаны помилуютъ.* (3) *яко^ж и бы^с очивѣсто бо Бѣ и мѣи Бѣа избави я мѣстью своею. зане хрѣяне суть.* (4) *наказаю накази ма. рѣ Гѣ. а смърти не предажъ мене. гла Дѣдѣ.* (5) *тако и сїа людї Новгородьскыа наказа Бѣ. и смърти я дозѣла за преступленья крѣтнюю. и за гордость ихъ наведе на нѣ. и мѣстью своею избави гра^д ихъ* [Лавр. лет., 121 об. — 122].

Приведенный отрывок связан с предтекстом анафорическим местоимением *се*.

Его можно разделить на пять частей: 1) это констатация того, что нападение на Новгородские земли, разграбление сел и убийство людей — это было послано новгородцам в качестве наказания за грехи (которые новгородцы совершили); 2) рассказ о том, что Богородица знала о пагубе, ожидающей новгородцев, плакала на трех иконах в трех церквах и просила сына своего, чтобы он их помиловал; 3) констатация того, что просьба была услышана; 4) обращение к прецедентному тексту: цитата из Псалтири, «формула мудрого наказания»; 5) применение «формулы мудрого наказания» к ситуации в Новгороде, т. е. объяснение того, в чем состояла милость Божия (Господь наказал новгородцев за нарушение крестного цело-

вания и за гордость, но при этом своей милостью избавил их город от нападавших).

В этом отрывке речь идет о действиях высших сил, люди только видят знамения на иконах (*всѣ^М людемъ видѣцимъ*) или узнают о них (*слышахомъ*); повествователь формой 1 л. мн. ч. причисляет себя ко всем этим людям.

Нас интересует та часть отрывка, в которой *очивѣсто* употребляется с клитикой *бо*, повторяющейся в этой части четыре раза. Сам четырехкратный повтор *бо* можно интерпретировать как средство создания цельности фрагмента в рамках данной синтаксической композиции⁴¹. Особенность композиции этого отрывка в том, что она образует подобие кольца: начинается обобщающим тезисом и обобщающим тезисом заканчивается. Дважды повторяются предложения с глаголом *быти* (*се же бысть; какоже и бысть*), которые можно толковать как утверждение истинности факта (достоверности).

После указанных предложений появляется частица *бо* как показатель обоснования, аргумента в пользу предшествующего утверждения (*слышахомъ бо...; очивѣсто бо*). В обоих случаях частица соседствует со словом восприятия. В таком контексте *очивѣсто* может интерпретироваться как модусная рамка типа: *очевидно, что...* (как и в предшествующем фрагменте: *слышахомъ бо* = ибо нам стало известно).

Обратимся к высказыванию (3) со словом *очивѣсто*. В этом высказывании следует переход от констатации событий к интерпретации. Глагол *избави* выступает не как глагол физического действия, которое можно увидеть (например, *освободил*), а как глагол интерпретационной семантики. Сферу действия семантики наречия *очивѣсто* составляет не один глагол *избави*, а целое высказывание, которое присоединяется посредством клитики *бо*.

На чьи глаза указывает *очивѣсто*? Глаза принадлежат новгородцам — свидетелям того, что нападавшим не удалось войти в Новгород. Избавление от неминуемой смерти истолковано как чудо, значимость этих событий выражена частичным повтором высказывания с *очивѣсто*: (*Бъ*) *мѣтью своею избави гра^А ихъ*.

Очивѣсто в тексте летописи выражает выводное знание на основании зрительно засвидетельствованных фактов: так и было, *потому что все видели, как...*⁴². Чудо, произошедшее у стен города, было *явлением Божьей милости*. Слово *милость* ассоциативно прочно связано с глаголом *явити* — показать милость⁴³. Эта связь сохранилась до наших дней во фразеологии (*явите Божескую милость*) [Михельсон 1994, 2: 570].

⁴¹ О текстообразующей функции энклитик в письменной речи писал В. В. Колесов: в древнерусских текстах разных жанров эти частицы организуют последовательность синтагм «одна по отношению к другой» [Колесов 1989: 247].

⁴² См. о различии между *видеть, что* и *видеть, как* в [Арутюнова 1988: 115, 118].

⁴³ Ср. в Псалтири: *Ужели на веки будешь гневаться на нас? или прострешь гнев Твой из рода в род? (...)* *Яви нам, Господи, милость твою и спасение Твое даруй нам.* Пс. LXXXIV, 6—8 [Псалтирь: 764]

В высказывании есть компрессия. Ср. Бог *явил милость свою* — избавил град их.

С точки зрения современного носителя русского языка *очивѣсто* трудно интерпретировать, поскольку в современном русском языке *очевидно* читается только как *очевидно* (*видно, вижу*), *что...* — т. е. не перцептивно, а собственно ментально. В тексте Лаврентьевской летописи субъектом перцепции являются все участники событий, все знающие о них. В современном же русском языке *очевидно* (без показателя субъекта в дат. п.) принадлежит только говорящему и выражает его собственную модусную рамку (т. е. эгоцентрично) [Падучева 1996: 200, 258].

Рассмотрим второй пример из Лаврентьевской летописи:

(1172) *слышавше же Болгаре. в малѣ дружинѣ княза Мъстислава пришедша. [и] идуща ѿпа^т с полюно^м. доспѣша вборзѣ и побѣаша по ни^х въ ~~ѣ~~. за малы^м не постигоша и^х за к^к верстѣ. князю Мъстиславу на оустыи с малою дру||жиною. а всю дружину пустившю ѿ себе. и възврати ѿ него Бѣ поганыя Болгары. хръяны покрывѣ рукою своего. слышавше бо наши се прославиша Ба заступи бо *очивѣсть* ѿ погану^х стѣа Бѣа. и хръяньска мѣтва. погании бо възвратишася вспять. а хръяне хвалаци Ба. взерт^аишася в своя си [КСДР]* [Лавр. лет., 122 об. — 123].*

Отрывок является продолжением рассказа о том, как русские князья воевали с волжскими болгарами. Композицию этого отрывка можно представить следующим образом: (1) рассказ о том, как волжские болгары узнали, что князь Мстислав был с малою дружиной (был беззащитен), стали его преследовать и остановились — это изложение фактов жизни людей; (2) фрагмент о действиях высших сил: Бог отвратил нападение, защитив христиан от поганых; (3) фрагмент о том, как об этом узнали «наши» (христиане) и прославили Бога, (4) *потому что поняли, что* их спасение стало следствием заступничества Богородицы, которая услышала их христианскую молитву; (5) это было явленное чудо, *потому что* поганые возвратились вспять, а христиане во главе с князем Мстиславом, славя Бога, вернулись домой. Наречие *очивѣсть* употреблено в аргументативном высказывании — в той его части, в которой говорится о том, к какому выводу пришли «наши».

В летописном отрывке следование предикативных единиц (основных и зависимых) не соответствует временной последовательности событий: фрагмент (2) соединяет действия человеческие (при помощи оборота дат. самостоятельный нас возвращают к тому временному моменту, когда болгары еще преследовали христиан) и действия Божьи. Фрагмент (4) не развивает ход событий, а является интерпретацией того, что было во фрагменте (2).

В композиции этого отрывка наблюдается соединение как бы «нарезанных» кусками частей. Повествовательные высказывания соединены с частями аргументативного высказывания — развернутой логической структуры, в основе которой лежит тезис, подкрепленный обоснованием.

В данном примере *очивѣсть* не обозначает непосредственного наблюдения. Верующие *не видели* Богородицу, она им *не являлась*. В этом примере употреблена форма глагола *заступи*. По Словарю русского языка XI—XVII вв., глагол *заступити* имеет два значения: 1) ‘закрыть, заслонить’, физически, например, кого-либо собой от врагов: *Стѣславъ <...> съскочи с коня и заступи бѣца своего и поча са бити*. Ипат. лет., 475; 2) ‘защитить, оборонить’: ... *солдат вельно устроить у засѣкъ, чтобы <...> православныхъ христиан от татарской войны заступитъ* АМГ II, 64, 1638. [СлРЯ XI—XVII, 5: 309]. Но в летописи, в рассказе о вмешательстве высших сил, этот глагол выступает как интерпретирующий⁴⁴, т. е. летописец сообщает, что определенные события в действительности надо понимать как заступничество высших сил. В нашем летописном отрывке доказательством заступничества Богородицы служит предикативная единица *погании бо възвратишася вспять*.

И все-таки в тексте как будто чего-то не хватает. В одном из трех летописных примеров со сходным содержанием обнаруживается это необходимое звено:

(1172) *Тѣ же зимы посла князь великы Андрѣй Юрьевичъ сынъ Долгорукаго Боголюбскій сына своего князя Мстислава на Болгары Воложскія и Камскіе <...>. И тако поидоша въ Болгары, и приидоша къ нимъ безвѣстно, и взяша шесть селъ, а седмое городъ <...>. И гнаша по нихъ въ седми тысящахъ Болгаре, и замала не постигоша, яко точию за двадесять версть. Князю же Мстиславу тогда въ малѣ воинствѣ, вси бо от великіа нужи ови напредѣ отъидоша, а друзіи от нужи зимныя охудѣша; но Господь Бог и пречистая его Мати возврати поганыхъ вспять, яко неизреченно чудо показа, **очевидно бо** заступи и изъ устѣ отъ поганыхъ исторже; едва бо прииде русское воинство восвояси отъ великіа нужи* [СлРЯ XI—XVII 12: 330]*.

Таким образом, те смыслы, которые в примере из Лаврентьевской летописи выражались только наречием *очивѣсть*, в отрывке из Никоновской летописи получили дополнительное выражение, они вербализованы отдельной предикативной единицей: [Господь и пречистая его Мати] *неизреченно чудо показа*. Она находится между тезисом и обоснованием. Благодаря этому во втором летописном отрывке точнее прочитывается то, что возврат волжских болгар назад надо понимать как явленное Господом необыкновенное чудо, а не как случайное стечение обстоятельств⁴⁵.

2.5. Текстовый анализ летописных примеров показывает, что разные словарные толкования — это не следствие многозначности лексической

⁴⁴ Определение и признаки интерпретационных глаголов даны Ю. Д. Апресяном [Апресян 2000: XXV].

⁴⁵ В Словаре наречие *очевидно* дано с дефиницией ‘зримо, воочию для всех’ [СлРЯ XI—XVII, 12: 330].

единицы, а результат интерпретации одного слова в разных синтаксических позициях, т. е. речь идет о позиционных вариантах. В основной массе примеров с наречием *очивѣсть* и его вариантами (29 примеров из житий) можно интерпретировать семантику интересующей нас единицы через «воочию», а в трех рассмотренных летописных примерах⁴⁶ значение *очивѣсть* можно определить как ‘в действительности’⁴⁷, но доказать различие между «воочию» и «наяву» невозможно.

Современный исторический словарь [СлРЯ XI—XVII, 14: 98] толкует летописные примеры с *очивѣсть* как ‘очевидно, явно’ в соответствии с лексикографической традицией⁴⁸. Понимая задачи лексикографов и неизбежные компромиссы при их решении, для прояснения ситуации подойдем к этому толкованию критически.

Толкование с помощью синонима *очевидно* отсылает к современному употреблению этого слова, а значит, не вполне корректно, так как соответствующие древнерусские (церковнославянские) кальки имели другую семантику. Второй компонент толкования (в СлРЯ XI—XVII — ‘явно’) использовался в текстах делового характера XVII в.⁴⁹ В более ранних текстах употреблялся другой синоним *очивѣсть* — слово *явѣ*⁵⁰. Оно больше соответствует жанровой принадлежности лексемы *очивѣсть*. Языковой материал в КДРС показывает, что *явѣ* употреблялось в двух позициях: 1) присловной — при предикате в рамках диктума; 2) рамочной — предиката пропозициональной установки в составе сложного предложения⁵¹.

⁴⁶ При подсчете не учитывались повторы одного и того же высказывания, использованные в других памятниках или в редакциях одного и того же текста.

⁴⁷ В словарной статье СлРЯ XI—XVII *очивѣсть* к значению ‘очевидно, явно’ есть еще один пример, но текстовому анализу его подвергнуть невозможно. Он взят из «Материалов к Словарию древнерусского языка» И. И. Срезневского, однако по ссылкам СлРЯ XI—XVII и Словаря Срезневского расширенный контекст найти не удалось.

⁴⁸ Впервые эти древнерусские кальки отражены в СЦРЯ: **Очивѣсто**, нар. *Стар.* Явно, очевидно. *Заступи бо очивѣсто от поганых.* Соф. Врем. 199. [СЦРЯ 1847, III: 150]. *Очивѣсто* и *очивѣсть* даны как варианты.

⁴⁹ В устойчивых сочетаниях *явно учинить* ‘сделать известным’ и т. п. Например: *и приставы посломъ говорили: мы рѣчи ваши донесемъ до государя своего, и что будет нашего государя воля, и мы вам о том явно учиним.* Польск.д. III, 526. 1567 г. [КДРС].

⁵⁰ В САР-1 *явѣ*. нар. *Сл.* Явно, не скрытно, не тайно. *Не мощи ему явѣ въ градъ внити.* Мк. 1.45. [САР-1, VI: 1024]; имеет помету *сл.*, т. е. церковнославянское. В современных исторических словарях слова *явѣ* и *явно* пока не отражены.

⁵¹ Третья позиция, когда слово *явѣ* становится синтагматически изолированным (вводным), обнаружена только в одном примере: *За что въ шанцахъ выласками непріятель много в шанцахъ побиваетъ? Явѣ за то, что шанцовые сидѣльцы стрѣлять цѣлно не умѣють, и хотя много стрѣляютъ, да мало убиваютъ. Мне, государь, мнитца, кто в цѣль стрѣлять не умѣетъ, того въ шанцы и посылать не*

Во внутрисинтаксической, приглагольной позиции *явѣ* имело значение ‘наяву, в действительности’:

блжнии [Андрей] же видаше єго [демона] явѣ. блудница же гла єго слышаху. а не видяху никогоже [ЖАЮ 2000: 9в /503—504].

В греческом оригинале наречию *явѣ* в некоторых случаях соответствует греческое наречие *φανερῶς*⁵²:

Нѣкоему рекшу к нему. твои другъ на та молви^т. и рѣ. не обличаи єго, еда обыкнуть явѣ то творити. Пч., 119. [КДРС]*. ‘Когда некий (человек) сказал ему: твой друг на тебя наговаривает, и сказал (он): не обличай его, иначе он привыкнет это делать *открыто*’.

В подобных примерах *явѣ* не выражает точку зрения субъекта модуса. Оно относится к субъекту действия и указывает на контроль этого субъекта над тем, наблюдает ли кто-то за ним. Выражая эту семантику, *явѣ* в тексте часто соотносится со словом *отаи*⁵³ = ‘тайно, чтобы не было свидетелей, чтобы никто не знал’ или подразумевает его, как в приведенном примере: Твой друг (*тайно*) на тебя наговаривает. И этот человек сказал, не обличай его, а то (он перестанет стыдиться и) будет делать это *при свидетелях, явно*.

Ср. также описание событий, отраженных в церковнославянском примере: *Не мощи ему явѣ въ градъ внити* Мк. 1.45 [САР-1, VI: 1024]: множество людей следовало за Иисусом. Человек, которого он очистил от проказы, стал рассказывать об этом. И не мог Иисус *явно, не скрываясь от чужих глаз*, войти в город. (Его бы узнали.)

В позиции предиката модусной рамки⁵⁴ *явѣ* (*єсть*), *яко* это слово имело ментальный смысл ‘явно, несомненно’. Так, в примере *явѣ же єсть, яко слово бие сдержити вѣкы* [ЖАЮ 2000: 4522] оно, вероятно, означает ‘не подлежит сомнению, что’. Но есть и контрпримеры. Так, в Толковой Палее читаем: *Но се явѣ єсть: єгда облакъ заступитъ солнце, и стѣнь его потемнѣ предъ очима нашими* [Пал.Толк. 2002: 7г., 28]. Этот пример переведен А. М. Камчатновым выражением *известно, что*. Если же попытаться передать апелляцию не к знанию, а к восприятию, то получаем модусную

для чего Пис. подметн., 39. 1700. *[КДРС] (Доношение Ивана Посошкова боярину Ѡ. А. Головину). Задавая вопрос о причине, Посошков сам же отвечает усиленным утверждением. Ср. *Несомненно*, потому, что ...

⁵² Ср. *φανερῶς* — ‘открыто, явно, очевидно, откровенно; ясно, что’ [Дворецкий 1958 II: 1713].

⁵³ *И възмѣше злато и сребро из отецъ домовъ своихъ, раздаваху маломощемъ явѣ и отаи* ВМЧ. Окт. 19—31, 1777. XVI в. [СлРЯ XI—XVII, 13: 179]. Лексема *отаи* имеет помету *нареч.* и *предлог* [Там же].

⁵⁴ Термин авторов «Коммуникативной грамматики» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

рамку: *Можно видеть, что*, когда облако закрывает солнце..., т. е. *любой может наблюдать, как...*⁵⁵.

Анализ языкового материала показал, что слово *очивѣсть*, выполняя «задание», которое диктует жанр текста: выразить зрительное свидетельство (в житиях) или служить обоснованием чуда (в летописях), — смысла своего не меняет. Благодаря семантической цельности слово *очивѣсть* в тексте понималось адресатом однозначно, оно удостоверяло реальность чуда и, подобно морфемам в агглютинативных языках — аффиксам с аналогичной семантикой, выступало как лексический показатель зрительного свидетельства. В отличие от *очивѣсть*, лексема *явѣ*, обладавшая целым спектром значений и их оттенков, эту роль выполнять не могла⁵⁶.

3.1. В значении ‘воочию’ в текстах XI—XVII вв. употреблялась лексема *очивѣсть* со своими вариантами, а также слово *видимо*. Как их синоним в XVII в. стало использоваться наречие *очевидно*⁵⁷. Думается, что это не случайно, ибо обе части *очевидно* прозрачны, тогда как компонент сложных наречий *очивѣсть*, *очивѣсто* — *-вѣсть* (*-вѣсто*), связанный с глаголом *вѣдѣти*, для носителей старорусского языка позднего периода уже ассоциировался только со знанием, но не с «видением», как это могло быть ранее. Кроме того, *вѣсть* и *вѣсто* употреблялись как отдельные наречия со значением ‘известно’ [СлРЯ XI—XVII, 2: 118—119].

Как уже упоминалось, лексикографическая история слова *очевидно* началась с «Лексикона трехязычного» Ф. Поликарпова (Орлова) 1704 г. В нем слова *очевидный*, *очевидно* объяснялись с помощью их иноязычных эквивалентов (греческого и латинского): **Очевидный**, ὀφθαλμοφανής, oculis conspectus. **Очевидно**, ὀφθαλμοφανῶς, in oculorum(m) conspectu atque obtutu [Лекс. 1704]⁵⁸.

По дефинициям словарей Российской Академии [САР 2001—2006, IV: 624; СРЯ 1847, III: 149] и современного исторического словаря [СлРЯ

⁵⁵ В сноске 53 показано, что слово *явѣ* могло выражать ментальный смысл и в том случае, когда правый компонент модусной рамки *яко* редуцирован.

⁵⁶ Ср.: [Праведницу Улиянию бесы хотят убить, но вмешательство святого Николая спасает ее]: *Она же абие от сна возбнув; увиде яве мужа из храмины дверьми изыдоша скоро аки молния* [Пов. Ульян. Осор., 345]. Это значит, что Улияния в действительности, а не во сне увидела святого Николая уходящим из горницы. Показательно, что *явѣ* обозначает реальность чуда не в каноническом житии, а в повести XVII в. с элементами агиографии.

⁵⁷ *Очевидно* встречается также в разных редакциях одного текста на месте *очивѣсть*.

⁵⁸ Прилагательному *очевидный* соответствует латинское словосочетание, которое по-русски можно выразить как *наблюдаемый глазами*.

Можно предположить, что составитель имел намерение в словарном описании разграничить две функции, отраженные в семантике слова *очевидно*: а) зрение как *способность видеть*; б) зрение как *инструмент наблюдения* человека. Итак: *in oculorum conspectu atque obtutu* — ‘в видении и наблюдении глаз’.

XI—XVII, 14: 94] слово *очевидно* на протяжении XVII — первой половины XIX в. имело три значения: 1) ‘воочию’, 2) ‘явно’, 3) ‘ясно, понятно’.

В первых двух значениях отражено употребление, относящееся к сфере синсемии, когда глагол и распространитель имеют в семантической структуре одинаковые семы [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 66]. Рассмотрим первое значение.

В «Повести о Савве Грудцыне» (XVII в.) молодой купеческий сын Савва, живя вдали от родителей, вел беспутный образ жизни. Подружившись со сверстником, он вступил в общение с бесом в человеческом обличье и даже подписал с ним договор, не подозревая о том, что продал душу бесам. И только когда Савва заболел и позвал к себе священника, он увидел, как в горницу его входит целая толпа бесов и начинает угрожать ему: *Больными же зря очевидно их [бесов], и ово ужасеся, ово же надѣяся яко на силу божию и до конца все подробно исповѣда иерею*. Сав.Грудц., 77. XVIII в. ~ XVII в. [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]. Во время исповеди священник, хотя и был муж святой, испугался, затем что не видно было в горнице никого, кроме больного, но слышен был шум великий от того бесовского сборища [Сав. Грудц. (Скр.)].

В этом примере *очевидно* сочетается с формой перцептивного глагола *зрѣти* — деепричастием *зря*. Как и *очивѣсть* в примерах из житий⁵⁹, *очевидно* в значении ‘воочию’ здесь служит усилителем, обозначающим достоверность необычного зрелища, а именно то, что Савва видел бесов не в своем воображении, а наяву.

В текстах XVIII — начала XIX в. еще встречается сочетание *очевидно* с глаголами *зрѣти*, *видѣти*, означающее ‘видеть своими глазами что-либо’⁶⁰, а затем в этом значении стало употребляться только наречие *воочию*.

Другие значения слова *очевидно* представлены в КДРС и в нашей выборке примерами из текстов петровского времени и XVIII в. Значение ‘явно’ реализуется в примерах с предикатами, имеющими сему наблюдаемости процесса. Самые ранние примеры относятся к последней четверти XVIII в.:

Был человек, который никакого / Не знал ни промысла, ни ремесла, / Но сундуки его полнели очевидно И. Крылов. Скупой и курица [ССРЛЯ, 8: 1791].

⁵⁹ [Боляриня] зряше *очивѣсть* дѣмоны многы приходяща къ неи и устрашающе ея. Ж.Паф.Бор. 27 об. [КДРС].

⁶⁰ Например: *К нему же [Петербургу] многия жажду свою имея, хотят его очевидно зрети, и красоты его насладится охотно желают* (А. Богданов. Описание Санктпетербурга, 1751) [НКРЯ]. *Любопытные люди многие о Граде сем слухом слышат, а очевидно его не видят, то буди им в представление во утоление желаемой жажды их, представляется им абрис его или происпект* (Там же) [НКРЯ].

По мнению С. В. Кодзасова, в подобных фразах слово *очевидно* можно считать акцентированным⁶¹: *сундуки его полнели *очевидно*.

В этом значении слово *очевидно* употреблялось и с предикатами другого типа. В их семантике нет сем зримости или наблюдаемости процесса. Это предикаты выводного знания (интерпретации). Самый ранний пример из документа петровского времени (докладной записки «Об образе шведского управления» Генриха Фика):

*Напосльдок о нынѣшнем король [Швеции] вѣдати надлежит, что <...> онъ государственныя экспедиции между шести министрами раздѣлил і благоумнымъ совѣтамъ і инвенциям одного чюжестранца, барона Герца, много послѣдовал, і ему вышнѣе управление доходов на время повърил, чрез то упадиѣе состояние **очевидно** некоторым образом поправил.* Зак. Петр., I: 549. 1718 г. [КДРС]*.

В примере говорится, что король Швеции во многом последовал советам иностранца барона Герца и доверил ему на время высшее управление доходами и благодаря этому *явно* поправил тяжелое состояние страны. Слово *очевидно* определяет всю пропозицию (*небольшое улучшение состояния дел в стране*). *Очевидно* здесь соответствует смыслу ‘видно, заметно, несомненно для всех’.

ПРИМЕЧАНИЕ: Хотелось бы показать на текстах до Нового времени, как в семантике *очевидно* совершился переход от зримого к умопостигаемому. В словарной статье СлРЯ XI—XVII *очевидно* значение ‘явно, видимо’ иллюстрируется примером: *Дьяволь же непрестанно ратоваше на преподобного [Нила Столбенского] и очевидно ему пакости дѣяше.* Пролог (П), 67. 1677 г. [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]. Дефиниция позволяет трактовать этот пример двояко.

1. Вначале попытаемся обосновать толкование ‘явно’. По контексту видно, что дьявол сам не являлся монаху. Ряд событий, произошедших с преподобным Нилом Столбенским, повествователь относит к козням дьявола. Многократность действий дьявола в высказывании обозначена наречием *непрестанно*; событийное имя *пакости* во мн. ч.

Слово *очевидно* не занимает здесь приглагольную позицию, так как глагол *дѣлати* (*дѣяше*) не содержит семы перцептивности и используется как полузнаменательный в оценочной предикативной единице (*делал пакости*). Можно считать, что *очевидно* здесь подкрепляет, делает более уверенным логический вывод говорящего, осложненный оценкой: дьявол непрестанно боролся с преподобным и *явно, несомненно для всех* делал ему пакости.

Думается, что это всё же осовремененная трактовка семантики слова. Ведь усиливать таким способом можно субъективный вывод (*полагаю, что*). Жития писались на основе монастырских записей, сделанных современниками святого, в них соблюдалась установка на объективность, достоверность, истинность повествования. Странно предполагать, что *очевидно* усиливает уверенность повествования в тексте житийной тематики, где сомнению места нет.

⁶¹ Устное сообщение С. В. Кодзасова. В качестве пометы для акцентированных слов им предложено обозначение * (звездочка).

2. Второй компонент словарного толкования — синоним *видимо*. В ранних древнерусских текстах это слово употреблялось в двух значениях: 1. Зримо: *стѣи же николае видимо нависа ѿрю костянтину. и речемоу въстани ЧудН XII, 67в. 2. Явно, явственно: і оумыслиша свѣтъ золь. како оударити на городъ. (...) і възъбра- ни имъ видимо сила хва* ЛН XIII—XIV, 137 об. (1259) [СлДРЯ, 1: 412].

Рассмотрим контекст, в котором находится пример из Пролога. Интересно, что в предыдущем фрагменте Пролога о Ниле Столбенском говорится: [Когда Нил жил в Ржевской пустыни, питаясь травой и вершием дубным.] *Діаволь же не терпя се- го видѣти, всяко вооружается на святаго, многими страшилищи преображаяся, в зѣбри и во вся гады, и привидѣнми во дни и въ нощи; и ненаказанными чловѣки пакости ему дѣяше. И тако пребысть 13 лѣтъ* [Пролог (II): 67].

Из приведенного текста видно, что дьявол сам пугал преподобного зримо, а также действовал через невежественных людей. И вывод, и описание конкретных событий находятся в одном высказывании.

Словарный пример СлРЯ XI—XVII является частичным повтором и перифразой этого высказывания (см. подчеркнутое). В данном примере говорится о действиях дьявола против Нила, и только в последующих высказываниях разъясняется, в чем конкретно они выражались: Нилу показалось (используется глагол *мѣтити*), что на келью возложена веревка, чтобы сбросить ее в озеро; преподобный отогнал это видение молитвой. Когда жители, захотевшие согнать Нила с острова, зажгли лес, святой своей молитвой угасил пламя.

В житиях, в рассказах о нападении дьявола или бесов на человека сфера действия *очивѣсть* находится внутри одного высказывания, в этом же словарном примере сфера действия слова *очевидно* выходит за рамки одного высказывания.

Если сопоставить часть предыдущего высказывания с его повтором, то можно предположить, что *очевидно* здесь имеет значение ‘зримо’: *Діаволь ненаказанными чловѣки пакости ему дѣяше! Діаволь очевидно (видениями) ему пакости дѣяше*. В рамках этого значения возможен и другой вариант интерпретации: дьявол боролся с преподобным, и *можно было видеть* пакости, которые он ему делал. дьявол делал преподобному *видимые, зримые* пакости.

Аргументов в пользу значения ‘зримо’ немного. В то же время мы не можем не учитывать, что в соответствии с внутренней формой *очевидно* словарный пример вызывает аллюзии — отсылает к множеству описанных в житиях ситуаций, в которых дьявол вступает в борьбу с праведником (пугающих зрелищ, обманных видений и т. п.). Уже в силу этого нельзя однозначно утверждать, что *очевидно* в этом примере выражает значение ‘явно’. Он не может быть эталонным, по которому различаются значения ‘зримо, воочию’ и ‘явно, несомненно всем’.

3. Есть и третья трактовка. *Очевидно* в значении ‘ясно, понятно кому-либо’ используется как безлично-предикативный компонент и имеет валентность на имя в дат. п. Тогда сферой действия слова *очевидно* является та часть высказывания, в которую оно входит. Она не является простым предложением и в свою очередь состоит из двух частей: *очевидно ему; (дѣиаволь) пакости дѣяше (ему)*.

Таким образом, получаем: *Чтобы* преподобному было очевидно *его могущество*, дьявол делал ему пакости. = *Чтобы* вразумить его, дьявол *демонстративно досаждал*, наносил вред преподобному.

Таким образом, в этой интерпретации отражено «двойное» действие лексемы *очевидно*: ментальное значение (*понятно* ему, монаху) и остатки визуальности (дьявол делал так, *чтобы* это было *заметно, видно* Нилу). Ср. более простую трак-

товку: дьявол непрестанно боролся с преподобным и *много раз вредил* ему, *чтобы тот понял* его силу.

Почему же нельзя однозначно истолковать этот как будто бы ясный пример? Думается, здесь произошло столкновение текстового (житийного, жанрового) употребления этого слова с общим, расширенным (речевым и текстовым), в котором, кроме значения 'воочию', возможны и другие значения слова. Точнее, вместо строгого текстового прочитывается более свободный вариант употребления.

Значение 'ясно, понятно' можно отнести к употреблению *очевидно* в роли безлично-предикативного компонента в сочетании с неполнозначными глаголами *казаться / показаться; быть; стать / становиться* и др. На пример:

[На тексте доклада барона Огильви Петр I с учетом трудностей в прошлом военном походе предлагает изменения в подготовке к предстоящему походу]:

Дабы... тяжелые артиллерийные и провиантовые телеги сыльными тяглыми волами припрячь, ибо в семъ походѣ очевидно показалось, что малыми и слабыми лошадьми... тяжелые возы невозможно вестъ [Петр III, 500]. [КДРС].

Петр I предложил впредь в тяжелые артиллерийские и провиантские телеги впрягать сильных тягловых волов, 'ибо в этом походе ясно показалось, что малыми и слабыми лошадьми тяжелые возы везти невозможно'⁶².

В середине XIX в. *очевидно* начинает выражать субъективное отношение говорящего к сообщаемому и как безличный модусный предикатив прочитывается вне структуры предложения⁶³. Это могло произойти двояким путем: 1) либо в результате усечения модусной конструкции *очевидно, что...* 2) либо в результате потери присловных внутрисинтаксических связей одиночного *очевидно*.

⁶² В словарных статьях САР и СЦРЯ безлично-предикативная функция слова *очевидно* не отмечена. В грамматиках морфологический статус таких единиц устанавливался с первой трети XIX в.: «В значении безличных глаголов у нас употребляются также прилагательные первообразные [краткие. — Н. Г.] среднего рода» [Давыдов 1854: 300—301]. А. Х. Востоков относил именные компоненты в безлично-предикативной функции к составным глаголам, которые требуют вспомогательных причастиями это и краткие прилагательные среднего рода на -о. К таким составным глаголам отнесены и существительные «с особенными окончаниями» *льзя, жаль, льнь* в роли безличных глаголов [Там же]. Исходя из его разграничения прилагательных на *склоняемые* и *спрягаемые* (*бѣлый, бѣль; синій, синь*) [Там же: 53], можно сделать вывод, что к «спрягаемым словам» (в нашем случае кратким страдательным причастиям среднего рода) А. Х. Востоков приравнивал и краткие прилагательные на -о.

⁶³ Впервые о внепредложенческом статусе единиц, названных В. В. Виноградовым модальными словами, было заявлено А. А. Шахматовым [Шахматов 1925: 258].

3.2. В письменной речи последних десятилетий XVIII в. и первой четверти XIX в. можно наблюдать, как апробируются разные способы выражения отношения говорящего к сообщаемому.

Н. С. Поспеловым отмечена конкуренция безлично-предикативных слов в качестве опорных в изъяснительной конструкции (*разумеется, что; знать, что; кажется, что; вероятно, что* и др.) с соответствующими вводными словами. В этой конкуренции побеждают последние, но только к концу XIX в. [Очерки по ИГ-5: 63, 71, 80]. Например: *Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу* (Живописец); *Знать, что всякое сострадание исчезло в их сердцах* (Фонвизин п. сестре, апр. 1778); *Кажется, что жребий нашей литературы еще не решен* (Моск. телеграф, 1825, № 8); *Вероятно, что на сем обширном пространстве найдут высокую цель гор* (Там же, № 8).

Ср.: *Знать, при дворе у Льва привольное житье* (И. Дмитриев. Две лисы); *Не помню прямо я, по случаю какому / Отправил лев осла, но, разумеется, не в качестве посла* (И. Хемницер. Осел в уборе); *Кажется, все это и негораздо смешно было* (А. Т. Болотов). [Очерки по ИГ 5: 63—64]; *И так, сударь! вы на конец... в центрѣ художеств, наук, вкуса, увеселений, забав, и вѣроятно останетесь в этой столицѣ на всю вашу жизнь*. Сен-Меран 25 [СлРЯ XVIII, 3: 47].

Очевидно активно образует модусную рамочную конструкцию *очевидно, что...* Модусная рамка (*кому*) *очевидно, что* не выражала гипотетичности, она имела и имеет значение '(что) ясно, понятно, несомненно (кому)'. Это можно увидеть из следующих примеров:

*Какое отношение может с тем сравняться, в котором мы, человеки, находимся, как человеки, к нашему богу, к нашему создателю, к нашему отцу? Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сѣм отношении превознесены. Мы уверены, что вы чувствуете в сердцах ваших ощущения, приличные сему вашему достоинству. **Очевидно, что** бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами своё величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего* (Н. Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру, 1777) [НКРЯ].

Пушкин, рассказывая о своем путешествии по маршруту Радищева, находит преувеличения в его описаниях крестьянской избы и быта крестьян: *Очевидно, что Радищев начертал карикатуру* (А. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург)⁶⁴.

3.3. Постепенный переход *очевидно* в дискурсивное слово⁶⁵ можно представить следующим образом. Исходя из позиции внутри предложения, оно обладало тремя возможностями:

⁶⁴ Пример Н. С. Поспелова.

⁶⁵ Н. С. Поспелов датирует появление вводного слова *очевидно* второй половиной XIX в. [Очерки по ИГ-5: 76].

1) *очевидно* в присловной (приглагольной) позиции в высказываниях-описаниях с глаголами, имеющими перцептивную сему⁶⁶;

2) в уверенных высказываниях слово *очевидно* в значении 'явно' рядом с предикатом выводного знания;

3) *очевидно* рядом с предикатом, но все высказывание находится в иных контекстных условиях (уходит «приглазность», наблюдаемость); это изменило смысл слова *очевидно* (оно перестало прочитываться в соответствии с внутренней формой) и привело к тому, что это слово позиционно оторвалось от предиката, стало синтаксически независимым в предложении и приобрело способность выступать в высказывании как отдельная синтагма.

Рассмотрим пример, характеризующий второй вариант употребления:

Шамиль очевидно боится за свой Ведень, к которому дорога почти открыта, и заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держат там постоянные сильные караулы (М. С. Воронцов — А. П. Ермолову, 9 мая 1850) [НКРЯ].

Предикат *боится*, при котором находится *очевидно*, не может прочитываться перцептивно, для этого нет контекстных условий. Это уверенный вывод на основе знания ситуации. Из содержания высказывания естественно предположить, что это заключение объективно, так как сделано «по всем видимым признакам», т. е. на основании фактов.

Во время чтения «Кавказских писем» М. С. Воронцова, написанных А. П. Ермолову в 1845—1852 гг., читателя не покидает чувство, что автор все время держит своего неприятеля — Шамиля — в зоне постоянного внимания, находится с ним в своеобразном диалоге. Получается, что это не просто какое-то «внешнее» знание о человеке, противнике: Воронцов мысленно находится с ним «лицом к лицу». Отсюда уверенность тона.

Расширим контекст высказывания о Шамиле по источнику, обозначим цифрами две разные его части, разделим на два абзаца:

(1) *Тифлис, 9 мая 1850 г. <...> Нестеров выздоравливает, <...> я надеюсь, что к осени он будет совершенно здоров и в состоянии приняться*

⁶⁶ Поддержку «приглазности» демонстрируют примеры, в которых предикаты имеют общий смысл «делать что-либо вопреки правилам приличия, хорошего тона»: «*Положительно, следует отказать ей*», — подумал он уже не в первый раз за эту зиму. *Алексею Григорьевичу очень не нравилось, что Наташа, такая скромная в первые два года службы у него, теперь очевидно кокетничает с ним. Она смотрит на него иногда какими-то странными глазами* (Ф. Сологуб. Звериный быт, 1912). *Варенька, передававшая мне в это время чашку чая, и Софья Ивановна, смотревшая на меня в то время, как я говорил, обе отвернулись от меня и заговорили о другом, с выражением лица, которое потом я часто встречал у добрых людей, когда очень молодой человек начинает очевидно лгать им в глаза, и которое значит: «Ведь мы знаем, что он лжет, и зачем он это»* (Л. Толстой. Юность, 1857) [НКРЯ].

опять за службу. Между тем зимние его операции оставили большие следы и на деле, и в умах чеченцев. Шамиль очевидно боится за свой Ведень [свою ставку], к которому дорога почти открыта, и заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держать там постоянные сильные караулы.

(2) *Между тем другие уверяют, что он имеет намерение перебраться в Карату и уже посылает туда часть своего имущества; он назначил туда сына своего мудиром над многими наибями и сосватал его на дочери Даниель-Бека. Впрочем все слухи о разных военных приготовлениях и нашествиях оказались пустыми, и они только готовятся на отражение тех покушений, которых они от нас ожидают [НКРЯ]* [Воронцов 2004: 354—355].*

Можно видеть, что в последующем контексте (во 2-й части) уверенности нет, автор снижает тон, начинает сомневаться: сообщает разные варианты действий и намерений неприятеля. Они маркируются как сведения из третьих рук, а значит, для говорящего эта информация «чужая», которой он не вполне доверяет. В 1-й же части этого отрывка слово *очевидно* находится в высказывании с высокой степенью уверенности, смысл его можно расценивать как ‘явно, определенно’⁶⁷.

Посмотрим, меняется ли смысл лексемы от контекста, в котором находится высказывание. Перенесем высказывание со словом *очевидно*, с необходимыми трансформациями, во вторую часть отрывка, которая напоминает контекст дискурсивного показателя гипотетичности: Уверяют, что он [Шамиль] имеет намерение перебраться в Карату и уже посылает туда часть своего имущества; он назначил туда сына своего мудиром над многими наибями и сосватал его на дочери Даниель-Бека. Впрочем, все слухи о разных военных приготовлениях и нашествиях оказались пустыми, и они только готовятся на отражение тех покушений, которых они от нас ожидают. **Очевидно, Шамиль боится за свой Ведень, к которому дорога почти открыта, потому что он заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держать там постоянные сильные караулы.**

В таком контексте получаем неуверенное высказывание. В нем слово *очевидно* маркирует предикативную единицу, обозначающую гипотезу говорящего о том, как субъект высказывания оценивает свое положение, и обоснование этой гипотезы.

Таким образом, если в первом случае (исходный пример) говорящий ясно видит, представляет себе положение дел и строит уверенное высказывание, то во втором случае (трансформированный пример) этой ясности

---

⁶⁷ Из сопоставления двух частей отрывка видим: в первой части подразумевается, что Шамиль остается в своей вотчине и ставке Ведено. Во второй сказано: по слухам, Шамиль будет перебираться в другое место.

нет, уверенность теряется. В этих условиях *очевидно*, подобно другим показателям гипотетичности, встраивается в каузативные текстовые структуры. В трансформированном примере показан результат перехода *очевидно* в новое качество — дискурсивный показатель *очевидно*.

После долгого использования в позиции рядом с предикатом слово *очевидно*, по-видимому, в устной речи стало «подвижным». Это произошло задолго до того, как в письменной речи стал выделяться запятыми показатель *очевидно*.

3.4. Семантическая интерпретация рассматриваемой лексемы непосредственно связана с ответом на вопрос: какой части речи принадлежит *очевидно*?

Знаменательное употребление *очевидно* в текстах XVII — середины XIX в. отражено в словарях. В Словарях Академии (САР и СЦРЯ) морфологический статус этого слова — наречие. В толковом словаре середины XX в. — ССРЛЯ — *очевидно* также трактуется как наречие. Иллюстрацией к словарной статье служат примеры, где оно употреблено с усилителями (*так*) и/или ставится в сочиненный ряд, что укрепляет его позицию, например:

Вечера А. П. отличались еще тем, что нигде, как на этих вечерах, не высказывался так очевидно и твердо градус политического термометра (Л. Толстой. Война и мир).

— *Ах, как вкусно! Ты попробуй! Было жёстко и кисло. Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой* (А. Чехов. Крыжовник) [ССРЛЯ, 8: 1791].

Рассмотрим еще несколько примеров.

1 ноября 1777 г. Монпелье. Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно приехали. Благодарю Бога, жена очевидно оправляется. Я имею причины ласкаться, что привезу ее к вам здоровую. Лечить ее взялся первый здешний доктор. (...) Монпелье можно назвать по справедливости больницею, но такую, где живут уже выздоравливающие (Д. Фонвизин. Письма (1777—1778) [Фонвизин II: 410—411].

В этом примере используется полнозначный глагол, который обозначает то, что можно увидеть глазами, — происходящие с человеком изменения. Поэтому здесь *очевидно* является присловным компонентом, определяющим диктальный предикат *оправляется* ‘поправляется, выздоравливает’.

[О войне союзников с Наполеоном в Европе в 1805 г.] *Неприятель начал перестрелку. (...) Совершенно от нас зависло уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустой перестрелкой, и Мюрат был атакующим. Между тём неприятель сдѣлался предприимчиве и непо-*

нятным образом успѣл обойти наше лѣвое крыло. (...) к вечеру стали **очевидно** уменьшаться войска наши и замѣтны многіе в линіях интервалы. Легко было понять, что не таков должен быть порядок при отступлении, и что войска отходили, конечно, не по приказанію, но по произволу (Записки А. П. Ермолова. Ч. I. 1801—1812) [НКРЯ]* [Ермолов 1865: 46—47].

В этом примере *очевидно* также является присловным компонентом. Заметим, что в двух этих примерах употреблены глаголы, допускающие перцептивную сему. Это глаголы несовершенного вида.

Глаголы, употребляющиеся в таких примерах, однотипны: *усиливаться, умножаться, расти, возрастать/уменьшаться; угасать/поправляться; полнеть/худеть* (силы неприятеля очевидно умножались авангардом; она очевидно угасала; больной [холерой] очевидно худеет)⁶⁸, но, в отличие от примеров в ССРЛЯ, это полнозначенательные лексемы. Таким образом, статус *очевидно* как наречия можно считать доказанным.

В других примерах функция *очевидно* иная. Рассмотрим пример из Фонвизина:

Сорванцов. Я слыхал пословицу: не учась, в поны не ставят.

Здравомысл. С тех пор как стали следовать сей пословице, поны наши **очевидно** стали лучше и просвещеннее, и сия часть граждан отправляет свою должность гораздо порядочнее. Я совершенно уверен, что если б взято было за правило: не учась, в судьи не определять, то между судьями невежество было гораздо реже (Д. Фонвизин. Письмо от Стародума (Разговор у княгини Халдиной), 1788) [РЛ XVIII: 372].

В отличие от предыдущего примера речь идет не о переменах, происходящих «на глазах», а о том, что результат изменений стал для всех явным. В этом примере представлена оценка положения дел говорящим (священники стали лучше и просвещеннее). *Очевидно* имеет смысл ‘видно, заметно, ясно всем’.

Рассмотрим другой пример:

Достижение результатов [в обучении Пети акробатике] сопровождалось таким детским визгом, такими криками, что товарищи Беккера врывались в его комнату и отнимали из рук его мальчика. И странное дело: каждый раз как Эдвардс принимался тут же показывать, как

---

⁶⁸ Я застал, как он [Белинский] **очевидно** догорал в борьбе, не только со всем враждебным, чем обставлена была его жизнь, но он не совладел с хаотическим состоянием собственных сил, в которых никогда не было равновесия. Надо еще удивляться, как при этой непрерывной напряженной работе умственных и душевных сил в таком скудельном сосуде, жизнь могла прогореть почти до сорока лет! (И. Гончаров. Заметки к личности Белинского, 1874) [НКРЯ].

надо делать ту или иную штуку, Петя исполнял упражнение с большой ловкостью и охотой. Под руководством Эдвардса он сделал бы, без сомнения, большие успехи; в руках Беккера дальнейшее развитие очевидно замедлялось. Петя продолжал бояться своего наставника, как в первый день (Д. Григорович. Гуттаперчевый мальчик, 1883).

Высказывание со словом *очевидно* также представляет собой не воспроизведение зрительно воспринимаемых действий, а вывод, основанный на наблюдении.

Каков статус *очевидно* в подобных примерах? Можно предположить, что эта лексема функционирует в высказывании в особой роли — не вводного слова: подобное употребление можно трактовать как модусный показатель уверенности говорящего, который можно сопоставить со словом *явно*, как и в примере из Достоевского. В «Дневнике писателя» описан судебный процесс: родители обвинялись в жестоком обращении с родными детьми. Хотя обвинение было доказано, они были оправданы. Подробный рассказ об этом Достоевский заканчивает так: *У нас в судах случается, что когда подсудимые бывают оправданы (и особенно когда они очевидно виновны, но отпущены лишь милосердием суда), то председатель, объявляя подсудимому свободу, говорит ему иногда при этом назидание на тему: как именно ему следует принять это оправдание, что вынести из всего этого в жизнь, как избежать в дальнейшем повторения беды* (Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1877) [НКРЯ].

В этом примере *очевидно* можно заменить словом *явно*. Именно у слова *явно* в современном русском языке есть такая позиция в высказывании — не выделяясь запятыми, располагаясь между субъектом и предикатом, оно обозначает «внешнюю» точку зрения на события. В этом примере мнение говорящего выражено предикатом выводного знания (*виновны*), слово *очевидно* означает, что это заключение явно, несомненно для всех.

3.5. Проблема частеречного статуса *очевидно* связана с его лексикографическим отображением. Толкование этого слова зависит от его частеречной характеристики. В словарях Академии XVIII—XIX вв. оно определялось как *наречие*; как *прилагательное* и как *вводное слово* — в словаре Ушакова и в Словаре Ожегова—Шведовой⁶⁹; как *наречие* и *вводное слово* — в ССРЛЯ⁷⁰; как *частица* (слово-предложение) — в словаре Ожегова—Шведовой.

⁶⁹ Характеристика *вводное слово* обозначает его синтаксическую позицию и выносит слово за пределы частей речи. В. В. Виноградов ввел термин *модальное слово*.

⁷⁰ В книге «Русский язык» В. В. Виноградов, классифицируя модальные слова по происхождению, относит *очевидно* к модальным словам, однотипным со словами категории состояния (*видно, понятно*), а не к группе модальных слов, однородных с качественными наречиями на *-о* (*действительно*) [Виноградов 2001: 602].

В толковых словарях, вероятно, в целях точности и унификации, словарные описания начинаются с полного прилагательного. В них есть два варианта словарных описаний: 1) слово *очевидно* представлено в двух словарных статьях⁷¹; 2) *очевидно* не имеет отдельной статьи и находится в рамках статьи полного прилагательного⁷².

При решении вопроса о грамматическом статусе слова *очевидно* возможны три точки зрения, представленные в отечественной русистике:

- 1) краткое прилагательное среднего рода;
- 2) качественно-характеризующее наречие в приглагольной позиции;
- 3) модусный предикатив.

Возможность трех частеречных характеристик слова *очевидно* обусловлена (1) разными синтаксическими позициями слова *очевидно*, на которые ориентированы авторы грамматик, (2) разными теоретическими установками: синхронной или диахронной.

Первая точка зрения, согласно которой *очевидно* — это краткое прилагательное среднего рода, представлена в работах историков языка [Восточков 1831; Потебня 1958]⁷³. А. А. Потебня, рассматривая прилагательное в роли предиката, говорит, что прилагательное, по отсутствию в нем представления об определенной субстанции, сходно с бессубъектным сказу-

---

⁷¹ В словаре Д. Н. Ушакова представлено два *очевидно*. Одно (служебное) — квалифицируется как вводное слово в значении ‘вероятно, по-видимому’. Значительное же употребление *очевидно* в качестве наречия отнесено к словарной статье прилагательного *очевидный* с основным значением «несомненный, бесспорный, такой явный, что можно убедиться собственными глазами» [СЛУ, 2: 280]. По мнению составителей, оно восходит к значению: «Первонач. заметный, видимый, взору. *Сундуки его полнели очевидно*. Крлв.» [Там же]. Прямое значение иллюстрируется примером именно с *очевидно*, это означает, что для данного значения первична форма *очевидно*. (Сочетание *очевидный свидетель* отмечено в текстах древнерусского периода и употреблялось еще в текстах XIX в.). В современном русском языке значение прилагательного *очевидный* (*очевидный ущерб, очевидная победа*) становится переносным, а прямой смысл выражается лишь отчасти, благодаря сильной внутренней форме слова.

⁷² В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *очевидный* толкуется как ‘явный, бесспорный’ (*очевидное недоразумение*), а *очевидно* имеет два значения 1) вероятно, по-видимому; 2) «выражение утверждения, подтверждения» [ОШ 1997]. В этой словарной статье даны следующие грамматические характеристики: 1) полное и краткое прилагательное (женский и мужской род указан, средний род — нет); 2) вводное слово; 3) частица (слово-предложение) со смыслом уверенности/неуверенности. Поскольку вводное слово — это особая синтаксическая позиция, а не часть речи, то основная грамматическая характеристика — прилагательное [Там же: 486].

⁷³ См. также: «С очень раннего времени в качестве наречия могла быть использована форма им. и вин. п. ед. ч. ср. р. именного прилагательного. Так, например, *бързо* могло обозначать (в зависимости от контекста) *быстро* и *быстрое*. Этот способ является продуктивным и в настоящее время» [Борковский, Кузнецов 1963: 306].

емым. О согласовании он пишет, что оно «не есть лишь следствие присутствия известных окончаний, но имеет цену само по себе». «Согласование на всех ступенях своего развития есть средство производить известные оттенки мысли. Его нарушение всегда образует новые грамматические категории. Так и в настоящем случае. В русском прилагательное предикативное, отличаясь от атрибутивного, остается все-таки признаком, мыслимым в субъекте и изменяющимся вместе с ним: *снег бел* и *бумага бела*» [Потебня 1958: 113]. «Когда же язык уничтожает согласование, то тем самым он отвлекает признак от субъекта» [Там же: 114]. В подстрочной сноске к этому параграфу А. А. Потебня приводит примеры: *дивно видѣхъ Словѣньскую землю* (Лавр.лет, 4); *есть ли любо въра ваша и служение* (Лавр.лет., 47) [Там же: 115], которые могут служить иллюстрацией к высказанным суждениям⁷⁴.

В словарях эта точка зрения отражена в толкованиях *очевидно* через прилагательное. Объединение с прилагательным для *очевидно* правомерно и с точки зрения морфемной структуры: *ОЧ-(Е)-ВИД-Н-О*. Суффикс *-Н-* свидетельствует, что *очевидно* — производное от прилагательного. Для прилагательных в древнерусском языке раннего периода характерны суффиксы **-ьн-* и др. [Варбот 1969: 153]. Прилагательные *видѣнь* и *видѣньи* образованы с помощью суффикса **-ьн-* от существительного *видѣ* или от глагола *видѣти*.

Эта точка зрения обосновывается анализом собственно характеризующих лексем (*зоркий, умный, тихий*). Наречия на *-о* в сочетаниях *быстро бежит, зорко видит, тихо поет* квалифицируются как краткие прилагательные среднего рода в позиции при глаголе. Впервые это сформулировал Н. Н. Дурново [Дурново 1929: 12]. М. В. Панов, развивая идеи позиционной морфологии, пишет, что прилагательная форма на *-о* утратила все словоизменительные свойства прилагательного: падеж, число и род (в ед. ч.), но, так как здесь изменение позиционное, этого достаточно, чтобы объединить (*смотрит строго* и *строгий (взгляд)*) в единое слово — прилагательное [Панов 1999: 232]⁷⁵.

Установка на синхронное описание требует признать эти слова наречиями. Эта вторая, наиболее распространенная, точка зрения связана с прилагательной позицией этих слов в современном языке и может обосновываться синонимической заменой: *очевидно виновны* — *очевидная вина*. Но примеров с *очевидно* в этой позиции в современных текстах почти нет. Прилагательное употребление отражено в текстах XVIII—XIX вв.

Третья точка зрения: форма на *-о* — это категория состояния. Для этой категории характерно наличие дательного падежа субъекта. Но в отличие

⁷⁴ См. также заметки А. А. Потебни о бессубъектных предложениях со словами *видно, слышно* [Потебня 1963: 358, 368].

⁷⁵ В связи с этим следует упомянуть интерпретацию примера Н. А. Янко-Триницкой: *отсюда видно озеро*, сделанную М. В. Пановым [Там же].

от других предикативов (*стыдно, совестно* и др.) *очевидно* сохраняет противопоставление по роду (*очевиден — очевидна — очевидно*)⁷⁶.

Можно признать, что это два разных слова: а) *очевидно* — краткое прилагательное и б) *очевидно* — предикатив; либо считать, что это одно слово, которое может соединяться (1) с неполной номинализацией⁷⁷ *то, что, ... очевидно* (используется форма среднего рода) или (2) с пропозициональным именем. В последнем случае образуется полная номинализация (с согласованием по роду) *промах очевиден, ошибка очевидна, преимущество очевидно*.

Частеречная характеристика важна для компонентов, образующих пропозициональную структуру, когда же мы выходим в сферу модуса, эта характеристика становится нерелевантной. В. В. Виноградов предложил новую категорию слов вне частей речи — модальные слова, а современные исследователи используют термин дискурсивные слова.

По-видимому, перед нами модусная лексическая единица *очевидно*, которая, выражая уверенность говорящего, может употребляться в следующих синтаксических конструкциях:

1) неполная номинализация: *то, что* придаточное занимает именную позицию (*то, что он ошибся, очевидно*);

2) полная номинализация, тот же смысл представлен существительным (*его ошибка очевидна*);

3) следующим шагом этого преобразования будет словосочетание, в котором слово, бывшее на предыдущей ступени предикатом, занимает атрибутивную позицию (*очевидная ошибка*).

Неуверенность говорящего выражается вводным *очевидно* (*Очевидно, он не придет*)⁷⁸ и «частицей» со значением неуверенного подтверждения (*Он не придет? — Очевидно*).

В современных толковых словарях словарные статьи построены таким образом, что пользователь словаря может считать первичным полное при-

---

⁷⁶ Может показаться спорным включение предикатива *очевидно* в один ряд с краткими прилагательными. Но по мнению Г. А. Золотовой, квалифицируя слова на *-о* в позиции предиката к девербативам (*Катание весело*), целесообразно отнести их к адъективным словам. Аргументом в пользу адъективного характера этих слов она считает их флективную способность к согласованию с подлежащим в роде и числе (*Спор бесполезен. Возражение бесполезно. Возражения бесполезны*) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 157].

⁷⁷ См. [Арутюнова 1976: 73].

⁷⁸ Н. Д. Арутюнова отмечает, что закрепление за безличными (сенсорными) значениями парентетической функции заменяет свойственное модусу восприятия значение достоверности значением предположительности: *видимо, по-видимому, как видно* вообще не могут иметь иного значения. «В позиции модуса сенсорные модальные слова выражают серединную истинностную оценку между значением достоверности (в предикате) и недостоверности (в парентетической позиции): *Очевидно (видно), что он не придет*» [Арутюнова 1988: 119].

лагательное, тогда как оно не является первичным ни семантически (диахронно *очевидно* предшествует прилагательному *очевидный*), ни синтаксически, так как полное прилагательное возникает на третьей ступени преобразований конструкций (неполных номинализаций) с предикативным компонентом *очевидно*.

3.6. Как показывает наша выборка и материал НКРЯ, в текстах второй половины XIX в. употребление *очевидно* разнообразно, но преобладает показатель *очевидно*, выделенный запятыми. В тех случаях, когда это слово не выделено запятыми, его можно трактовать двояко: как показатель уверенности ('явно') и как дискурсивное слово со значением гипотетичности ('вероятно'). Например: *Очевидно замышляется нападение на Циммермана* (Н. П. Игнатъев, Походные письма, 1877) [НКРЯ]; *Причастие очевидно не может составить особенной части речи, потому что это отглагольное имя* (К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики, 1860) [НКРЯ].

С учетом современного употребления можно было бы использовать предикатив *очевидно* (*замышляется нападение, это очевидно; очевидно, что причастие не может быть особой частью речи*). Такая трактовка «укрупняет», а не снижает смысл высказывания, делает его более четким.

Перейдем к анализу этого функционального варианта лексемы *очевидно*. Возникает вопрос, как описывать его синтаксические возможности. Как глагол — через валентности⁷⁹ — некорректно, поскольку предикативы занимают припропозиционную позицию (*неудобно, что я забыл ее поздравить*).

Если предикатив *видно* может иметь при себе прямой объект и высказывания: *я тебя вижу; внизу видно речку и вижу, что это ты; видно, что внизу речка* — соотносятся, то с предикативом *очевидно* всё обстоит иначе. Он обозначает не зрительное восприятие, а чье-то понимание обсуждаемой ситуации, при нем не бывает прямого объекта. Союз *что* в сочетании с предикативом *очевидно* указывает не на падеж, а на переход от модуса к пропозиции: *Очевидно, что мы заблудились*.

Перифразой этих конструкций будет предложение с анафорическим местоимением *это*: *Мы заблудились, это очевидно* — высказывание с фиктивным субъектом, указывающим на объект рефлексии — пропозицию⁸⁰. Все три реализации можно показать на перифразах следующего примера:

⁷⁹ Производной от теории валентности является теория сферы действия лексических единиц [Богуславский 1996].

⁸⁰ Пример: *Это очевидно, что нас не ждали* — содержит удвоение, это высказывание избыточно. Подобное явление характерно для устной речи: говорящий, начав с одной модели, может закончить другой. Но высказывание с препозицией придаточного уже нормативно: *Что нас не ждали — это очевидно*. Ср.: *Что Головину вовсе не хотелось разорвать сношения со мной — это было очевидно; ему хотелось сорвать сердце за то, что мы печатали воззвание без него, и потом примириться — но я уж не хотел упустить из рук этого горячо желанного случая [разойтись навсегда]* (А. Герцен. Былое и думы, 1866) [НКРЯ].

Что Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами [годового дохода], **было очевидно**, — ему оставалось работать или занимать (А. Герцен. Былое и думы).

Было **очевидно, что** Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами годового дохода ↔ **То, что** Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами дохода, было **очевидно** = Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами дохода. **Это** было **очевидно**.

Для формы предикатива на *-о* характерно употребление в безличных конструкциях с косвенным падежом семантического субъекта. Исходной можно считать конструкцию I с дат. п. субъекта.

(I) (кому) **очевидно, что...**

Она модифицируется в конструкциях (Ia) с субъектом мнения, выраженным дательным падежом единственного или множественного числа имени или местоимения, а также в предложениях с субъектом в родительном падеже с предлогом *для*:

(Ia) S дат. п. ед. / мн. ч. (кому)

Для + род. п. **для** (кого)

очевидно (то), (что)...

В сказуемом могут использоваться глаголы-связки *быть, стать, казаться*.

S дат. п. ед. / мн. ч. (кому),

Для + род. п. (кого) (было, стало, становилось, казалось) **очевидно (то), (что)...**

Например: *Но теперь я живу один, и вот тут мне становится очевидно, что ощущение одиночества зимой усиливается* (А. Курков. Милый друг, товарищ покойника, 2001) [НКРЯ]; *Когда Александр Ипсиланти (...) начал набирать себе войско, Кирджали привел к нему несколько старых своих товарищей. Настоящая цель этерии была им худо известна, но война представляла случай обогатиться на счет турков, а может быть и молдаван, — и это казалось им очевидно* (А. Пушкин. Кирджали, 1834).

Высказывание с *очевидно* может содержать каузативный смысл, который появляется в сочетаниях *очевидно* со спрягаемыми формами полных глаголов с семантикой каузации восприятия и мнения. Такие сочетания идут из древнерусских текстов. Глагол каузации восприятия *показать* ([Господь] *показа ему очивѣсть воскрешение мертвыхъ*) приобретает в текстах XIX в. смысл каузации мнения. Но ментальная семантика в высказывании может усиливаться и за счет глагола. Тем самым выражается полная уверенность говорящего. В этих случаях можно говорить о наречии или неизменяемом слове *очевидно* в изъяснительной конструкции с финитной формой глагола. Это конструкции II: с глаголами *показать, доказать, убеждать* (IIa);

- (Па) N (пропозиц.) (это)
то, что... показывает / показал (-о/-а /-и) **очевидно**, что...
- (Пб) N пропозиц. (это) доказывает / убеждает **очевидно**, что...
(то, что...)

Например: *«Если столько уже лет оно известно и все-таки не стало руководством жизни людей, если столько мучеников и исповедников христианства бесцельно погибло, не изменив существующего строя, то это **очевидно показывает**, что учение это не истинно и неисполнимо», говорят люди (Л. Толстой. Закон насилия и закон любви, 1908) [НКРЯ]; **Первый процесс Бартеlemi и процесс Бернара доказали мне очевидно**, насколько Англия совершеннолетнее Франции в юридическом отношении (А. Герцен. Былое и думы, 1864) [НКРЯ]⁸¹.*

Модусная часть все сокращалась и в современном русском языке сократилась до *очевидно*. Предикатив *очевидно* вобрал в себя всю модусную семантику.

В конструкции III употребляется краткое прилагательное
N пропозиц. **очевиден** (/ -а/-о/-ы)

Например: ***Неравенство** возрастов, полов, способностей и сил так **очевидно** и присуще всем людским делам, что всякая концепция, исходящая из начал полного общего равенства, по мне, должна быть считаемая простым заблуждением мысли (Д. Менделеев. Заветные мысли, 1903—1905) [НКРЯ]; **Преимущество** расположения нашей каюты сразу же стало мне **очевидно**, как только мы вышли из гавани и нас стало немилосердно качать штормовой балтийской волной (А. Городницкий. «И жить еще надежде», 2001) [НКРЯ];*

— *Вы сказали: «Россия — страна задержавшегося феодализма...»*

— *Россия свой «феодализм» скоро переживет. Не преувеличивайте наших слабостей, они и так очевидны, — но посмотрел бы я на того идиота, который рискнет ими воспользоваться (Интервью с Б. Стругацким, «Аргументы и факты», № 17, 2008).*

В конструкции (кому) **очевидно, что**, дательный падеж имени обозначает субъекта сознания (авторизатора [Золотова, Онипенко, Сидорова

⁸¹ См. конструкцию с глаголом *следовать*, который в современных текстах опускается (из чего очевидно что): *Уведомляю вас, Петр Андреевич, что имею величайшую надобность в платье. Зимы в Петербурге холодны, а осени весьма сыры и вредны для здоровья. Из чего следует очевидно, что без платья ходить нельзя, а не то можно протянуть ноги (Ф. Достоевский — П. Карепину, 20 августа 1844). Цит. по [Волгин: 351]. По-видимому, первоначально это клише письменно-деловой речи.*

2004: 231—232]). В синонимичных конструкциях: **очевидно, что...** (кому) **очевидно, что...** для (кого), **очевидно, что** и в предложении **это очевидно** — выражаются следующие смыслы: обсуждаемая ситуация ясна не только говорящему, но и адресату, а также всякому третьему лицу, кого познакомят с положением дел. *Очевидно* синонимично *ясно*, потенциально ясно всем, говорящий уверен, что сторонников этой точки зрения он найдет в любом человеке. Например:

Мы забываем то, что очевидно каждому, то, что случилось с тем, который задумал построить житницы, чтобы обеспечить себя надолго: он умер в ту же ночь (Л. Толстой. В чем моя вера? 1884) [НКРЯ]; *Зачем обманывать себя? Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю, и вопрос только в числе недель, дней* (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича, 1884—1886);

Ровно двое суток, как Гоголя нет на свете. У Гоголя было два состояния: творчество и вдохновение. Первое давно уже, вероятно вскоре после выхода «Мертвых душ», перешло в мученичество, может быть вначале благотворное, но потом перешедшее в бесполезную пытку. Как можно было полюбить человека, тело и дух которого отдыхают после пытки? Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нет никакого дела. (...) Вот до какой степени Гоголь для меня не человек (С. Т. Аксаков — сыновьям, 23 февраля 1852);

Для всех было очевидно, что если шеф жандармов мог быть убит в центре города во время прогулки, то, значит, ни он, ни подведомственная ему тайная полиция ничего не знали о замыслах подпольных преступников, а если после совершения преступления злодеи могли так легко укрыться, то, значит, в самой петербургской полиции ничего не было подготовлено к борьбе с преступными замыслами крамольников (В. Мещерский. Мои воспоминания, 1897) [НКРЯ].

Сделать акцент на своей позиции в этой конструкции говорящий может, если она строится с отрицанием при предикате. Тем самым он выделяет себя из множества лиц, показывая, что у него другое мнение, например: *Ты так думаешь? Для меня это не очевидно.*

В утвердительных же высказываниях с предикативом *очевидно* обнаружение субъекта с помощью косвенных падежей не выражает особого мнения говорящего или другого субъекта. Наоборот, думается, что для выражения своего мнения говорящий часто пользуется моделью **очевидно, что...** с синтаксическим нулем субъекта, желая представить свое мнение как мнение *любого*, а значит, как объективное, авторитетное, не подвергаемое сомнению. Таковы примеры с речевой демагогией:

Где же тут идея? Очевидно, что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то недоноском. Потом, что за глубокий человек Чацкий? Это просто крикун, фразер,

идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит.<...> «Горе от ума — сатира, а не комедия» (В. Белинский. Горе от ума).

Ср.: **Я думаю, что идея Грибоедова неясна была самому автору.**

Во втором типе конструкций подлежащим становится пропозициональное имя. Предикатом служит краткая форма прилагательного *очевиден*. Субъект мнения остается за кадром. Высказывание, построенное по этой модели, часто бывает оценочным. Оценка выражается существительными: *ущерб, вред, поражение, недостатки, победа, успех, преимущество, достоинство, заслуги* и т. п.⁸²

Главные итоги нашего исследования состоят в следующем. 1. Семантику лексических единиц *очивѣсть* и *очевидно* на протяжении истории их употребления определяла как внутренняя форма, так и синтаксические функции, которые они выполняли. Анализ употребления этих слов показывает переход от перцептивного значения к ментальному. Отметим при этом, что *очевидно* не рассматривается в современных словарях дискурсивных слов. Внимание к истории упомянутых единиц обусловлено тем, что эти слова с визуально-перцептивной семантикой тяготеют к выражению позиций наблюдателя и субъекта модуса. Для двух этих слов возможны четыре синтаксические функции: а) внутрисинтаксическая — члена предложения; б) рамочная — модусного предикатива в сложном предложении; в) внешнесинтаксическая — вводного слова; г) диалогическая — слова-предложения (частицы) как ответной реплики.

2. До первого издания словаря Даля (1863—1866) в толковых словарях не было обращено внимание на то, что слова *очивѣсть, очевидно, воочию* образуют триаду. До XVII в. употреблялись *очивѣсть, въ очию*, в современном русском — *очевидно, воочию*, в XVII в. представлены все три единицы. Они имеют особое назначение в текстах — служить лексическими показателями зрительного свидетельства — достоверности.

3. Слово *очивѣсть* и его варианты употребляются главным образом в текстах одного жанра — в древнерусских переводных и в более поздних оригинальных житиях, где они маркируют свидетельства о чудесах и обозначают, что совершаемое святым чудо было увидено человеком воочию.

⁸² Иначе надо рассматривать примеры с тавтологией: *Всем была ясна очевидная глупость такого предложения*. Купр. Гамбринус [МАС, 2: 732]. Ср.: *Вот то, что хозяин наш Илья — человек хороший, мне было очевидно ясно и без страстных пояснений моего друга* (А. Битов. Дом поэта. 1975) [НКРЯ]. В словосочетании *очевидный факт* семантика прилагательного имеет усилительный характер. В МАС значение прилагательного в таких примерах трактуется как ‘не требующий доказательств в своей истинности, действительности’ [Там же]. В противоположность этому в словосочетании *очевидное удовольствие* семантика прилагательного определяется как ‘явный, видимый’ [Там же].

В этих текстах для слова *очивѣсть* характерна внутрисинтаксическая позиция. Оно связано подчинительными отношениями как с глаголом, так и с дат. п. имени адресата, которым выражается субъект восприятия. Благодаря тому, что *очивѣсть* не прикреплено к конкретному компоненту, это слово легко становится в позицию, когда оно определяет предложение в целом.

4. Иначе устроены примеры с *очивѣсть* в текстах другого жанра — в летописях. Это высказывания аргументативные, а не повествовательные, как в житиях. В них перцептивность соединена с выводным знанием. Слово *очивѣсть* сопровождает глагол (*заступи, избави*), который интерпретирует наблюдаемые события в мире людей. Как показал анализ летописных примеров, даже при переносе в другой жанр (летописи) и в другой тип текстовых построений — в каузативные структуры, *очивѣсть* не изменяет своего значения 'воочию, наяву'. По-видимому, оно осталось семантически цельной единицей благодаря своей особой функции — удостоверить чудо.

5. Слово *очевидно* в текстах XVII — первой половины XIX в. имело три значения. В первом из них оно синонимично *очивѣсть*. В значении 'явно' оно употреблялось как с глаголами, допускающими перцептивную сему, так и с предикатами выводного знания. В значении 'ясно, понятно' оно имело статус предикатива. В текстах середины XIX в. появился четвертый вариант слова в значении 'вероятно'. В этом функциональном варианте *очевидно* выражает точку зрения говорящего и занимает текстовую позицию вне структуры предложения, тем самым становится дискурсивным словом. Дискурсивное слово *очевидно* появилось, по всей вероятности, в результате потери присловных внутрисинтаксических связей одиночного (не имеющего показателя субъекта в дат. п.) *очевидно*.

6. Употребление предикатива *очевидно* связано с тремя типами синтаксических фразеологизированных конструкций. В них разными способами выражается субъектная валентность слова, субъект может быть одиночный и коллективный.

7. Рассматриваемые лексические единицы по-разному проявляли себя на протяжении своей истории. Если слово *очивѣсть* вбирало в себя значение всех греческих лексем-источников и находилось в зоне перцептивности, то *очевидно* сразу стало соединять перцептивность и ментальность, на ранних этапах преобладала перцептивность (в присловной позиции), со временем на первый план начала выходить ментальность. Лексема *очевидно* вышла из зоны перцептивности. Это доказывается тем, что прилагательное *очевидный* не употребляется с существительными, обозначающими актуально наблюдаемый объект.

Очевидно выходит из зоны перцепции, но сохраняет позиции предикатно-рамочную (*очевидно, что*) и внешнесинтаксическую (парентетическую, вводную). Используя предикатив, говорящий предлагает свое мнение как уверенное, значимое для других ('ясно, несомненно всем'). Во вводном *очевидно*, обозначающем предположение, категоричность снята, выражается неуверенность. Обозначая противоположные смыслы, эти функцио-

нальные варианты не могли существовать в рамках одного слова, произошел разрыв. Подобная поляризованность модальных смыслов не характерна для других слов с модальной семантикой. Они сохраняют семантическое единство своих функциональных вариантов. Так, предикатив *вероятно, что* выражает уверенность, модальное слово *вероятно* не удерживает уверенности, но оба варианта обозначают возможность, гипотетичность; *несомненно, что* и *несомненно* выражают уверенность, различие между ними несущественно.

Источники

Волгин — И. Волгин. Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах. М., 1991.

Воронцов 2004 — В. А. Удовик. Воронцов. М., 2004.

Ермолов 1865 — А. П. Ермолов. Записки А. П. Ермолова с приложениями. Ч. 1 (1801—1812). М., 1865.

ЖАЮ 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

КДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв.

КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.).

Лавр.лет. — Лаврентьевская летопись // Полн. собр. рус. летописей. Т. 1. 2-е изд. М., 2001.

Лекс. 1704 — Ф. Поликарпов (Орлов). Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

Пал. Толк. 2002 — Палея Толковая / Подгот. древнерус. текста и пер. А. М. Камчатнова. М., 2002.

Петр — Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 3. 1704—1705. Спб., 1893.

Пов.Ульян.Осор. — М. О. Скрипиль. Повесть об Улиании Осорьиной / Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 6. Л., 1948. С. 256—323.

Пролог (П). — Славяно-русский Пролог, ч. 1. Сент.-дек. // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. Спб., 1896. По печ. изд. 1675—1677 гг.

Псалтирь — Псалтирь учебная церковнославянским, гражданским шрифтом и в переводе П. Юнгера. 2-е изд. М., 2006.

РЛ XVIII — Русская литература XVIII в. / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1970.

Сав.Грудц. (Скр.) — М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 5. Л., 1947. С. 225—308.

Святой Ипполит 2008 — Святой Ипполит, епископ Римский. О Христе и антихристе. Спб., 2008. Воспроизв. изд. «Творения святого Ипполита... в русском переводе». Вып. 1—2. Казань, 1898.

Слово Иппол. об ант. — Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века, с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же с примечаниями и приложениями К. И. Невоструева. М., 1868.

Фонвизин П — Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. Г. П. Макогоненко. Т. 2. М.; Л., 1959.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 2000 — Ю. Д. А п р е с я н и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Богуславский 1996 — И. М. Б о г у с л а в с к и й. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Варбот 1969 — Ж. Ж. В а р б о т. Древнерусское именное словообразование (ретроспективная формальная характеристика). М., 1969.

Виноградов 1975 — В. В. В и н о г р а д о в. О формах слова (1944) // В. В. В и н о г р а д о в. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33—50.

Виноградов 1977 — В. В. В и н о г р а д о в. Основные типы лексических значений слова // В. В. В и н о г р а д о в. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

Виноградов 2001 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 2001.

Востоков 1831 — А. Х. В о с т о к о в. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.

Гатинская 2004 — Н. В. Г а т и н с к а я. Семантика достоверности и модальные значения в русском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология / Сиб. отд-ние РАН. Новосибирск, 2004. (В честь 80-летнего юбилея М. И. Черемисиной). № 4. С. 31—39.

Гатинская 2008 — Н. В. Г а т и н с к а я. Из лексикона достоверности: форма *въ очю* в древнерусских памятниках // Логический анализ языка: между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2008. С. 229—250.

Глубоковский 2007 — Н. Н. Г л у б о к о в с к и й. Библиейский словарь. Сергиев посад; Джорданвилль, 2007.

Давыдов 1854 — И. И. Д а в ы д о в. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии Наук. 3-е изд. СПб., 1854.

Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1—4. М., 1863—1866. Ч. 1. М., 1863.

Даль 1995 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1—4. М., 1995.

Дворецкий 1958 — И. Х. Д в о р е ц к и й. Словарь древнегреческого языка. Т. 1—2. М., 1958.

ДС 2003 — Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003.

- Дурново 1929 — Н. Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 2. М.; Л., 1929.
- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
- Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Ильина 2002 — Л. А. Ильина. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Кагарлицкий 1999 — Ю. В. Кагарлицкий. Риторические стратегии в русской проповеди: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Козинцева 2000 — Н. А. Козинцева. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 226—240
- Колесов 1989 — В. В. Колесов. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
- Курилович 1962 — Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. Т. 2. М., 1999.
- Мещанинов 1975а — И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Л. 1975.
- Мещанинов 1975б — И. И. Мещанинов. Проблемы развития языка. Л., 1975.
- Михельсон 1994 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
- ОШ 1997 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.
- Очерки по ИГ-5 — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Кн. 5. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М., 1964.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М. 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Панов 1999 — М. В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Пиккио 2002 — Рикардо Пиккио. Древнерусская литература. М., 2002.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
- Потебня 1963 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. (Об изменениях значения существительных.) М., 1963.
- РГ 1979 — Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Skoumalová, V. Straková. Т. 1, 2. Praha, 1979.

- РГ 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980.
- САР-1 — Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794 [Ч. 6. СПб., 1794].
- САР 2001—2006 — Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794. Переизд.: Т. 1—6. М., 2001—2006.
- СлДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1. М., 1988; Т. 6. 2000.
- СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Л., 1987; Вып. 6. СПб., 1991.
- СЛУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 2000.
- СС 1994 — Старославянский словарь / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1951.
- СЦРЯ 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Имп. академии наук. Т. 1—4. Т. 3. СПб., 1847.
- Уфимцева 2004 — А. А. У ф и м ц е в а. Типы словесных знаков. 2-е изд. М., 2004.
- Чурмаева 1989 — Н. В. Ч у р м а е в а. История наречий в русском языке. М., 1989.
- Цейтлин 1986 — Р. М. Ц е й т л и н. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. / Отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София, 1986.
- Шахматов 1925 — А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Вып. 1: Учение о предложении и о словосочетаниях. Л., 1925.
- Шведова 1964 — Н. Ю. Ш в е д о в а. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77—93.
- Эвиденциальность 2007 — Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой / Ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.
- ЭСФ — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 3 (Муза — Сят). М., 1971.
- Якобсон 1972 — Р. О. Я к о б с о н. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.